

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ "CHRONOS"
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
СБОРНИК НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ**

**XV МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК»
(03 мая 2017г.)**

г. Москва- 2017

© Научный журнал "Chronos"

УДК 320
ББК 60

Сборник публикаций научного журнала "Chronos" по материалам XV международной научно-практической конференции: «Актуальные вопросы общественных наук» г. Москва: сборник со статьями (уровень стандарта, академический уровень). – М: Научный журнал "Chronos", 2017. – 60с.

Тираж – 300 экз.

УДК 320
ББК 60

Издательство не несет ответственности за материалы, опубликованные в сборнике. Все материалы поданы в авторской редакции и отображают персональную позицию участника конференции.

Контактная информация организационного комитета конференции:

Научный журнал «Chronos»

Электронная почта: society@chronos-journal.ru

Официальный сайт: chronos-journal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Еремин Н.М. О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ЗЕМЕЛЬНОГО НАДЕЛА И УСАДЬБЫ «АВАНГАРДНЫХ» ПОМЕЩИКОВ ХАСТАТОВЫХ НА РЕКЕ ТЕРЕК В XVIII – XIX ВВ.....	4
Коленчук В.О. НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА 1920-Х ГОДОВ В АНАЛИЗЕ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ И НЕОБХОДИМЫЕ ПРИЧИНЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ.....	18

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Seitakhmetova N., Bektenova M., Zhandossova S. EURASIANISM: TO THEMING THE DIALOGUE OF RELIGIONS AND CULTURES AS THE THEME OF OUR RELEVANCE.....	21
--	----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Савин В.А. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ НА ПРОВИНЦИАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА В ОБЛАСТИ ПОДГОТОВКИ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ	29
Савин В.А. АРХАИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В РОССИЙСКОМ РАБОЧЕМ КЛАССЕ	32
Степанюк О.С., Ядута С.А. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВ.....	35

ФИЛОЛОГИЯ

Рисаева О. М. АСПЕКТУАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ С УЧАСТИЕМ СОЧЕТАНИЙ С ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ ГЛАГОЛОМ SETZEN В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	39
--	----

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Митина Н.Г. УТОПИЯ И. ИЛЬИНА.....	45
Бокачев И.А., Лукинова И.А. КУЛЬТУРА И ДУХОВНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ.....	52

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

О МЕСТОПОЛОЖЕНИИ ЗЕМЕЛЬНОГО НАДЕЛА И УСАДЬБЫ «АВАНГАРДНЫХ» ПОМЕЩИКОВ ХАСТАТОВЫХ НА РЕКЕ ТЕРЕК В XVIII – XIX ВВ.

Еремин Н.М.

соискатель

кафедры истории России

Курского госуниверситета

В Посольском приказе Российского государства 12 марта 1710 года был издан указ Петра I по челобитной армянина торгового сана Сафара Васильева, разрешавший последнему организовать на южных границах страны шелковое производство. В девяти статьях указа определялось не только место будущего шелкового завода: «... меж казацких городков на Тереке» [1], но и льготное условие на становление производства, содействие в деле вывоза и выкупа из персидского плена шелковых дел мастеров. Этим же указом разрешалось Сафару Васильеву вместе с единоверцами поставить на Тереке церковь армянскую.

В 1718 году Сафар шелковые заводы на Тереке поставил. Однако после знаменитого персидского похода Петра I, граница переносилась на реку Сулак. С Терека уходили не только воинские гарнизоны, предполагалось переселение казаков и других вольных людей.

Вот почему 20 мая 1726 года по прошению Сафара Васильева Сенат принимает указ: «... терских обывателей, которые не в службе и пришли для шелковой работы, а также кочевых татар, которые при тех заводах обретаются и шелковому делу обучаются... по мнению мануфактур-коллегии, в крепость Святого Креста не переводить, а быть им для обучения той шелковой работы при тех заводах...» [2].

Сафар Васильев умер в 1730 году, но сумел заложить базу для будущего уникального поместного владения.

Его наследники Лука Ширванов и Василий Макаров, не только продолжили дело, но и добились значительных успехов. 18 февраля 1756 года по указу Императрицы Елизаветы Петровны Правительствующий Сенат подтвердил наследное владение производством и наделом на Тереке: «... к заведенному означенными Ширвановым и Макаровым по данной в 1718-ом марте 16 – го за подписанием Блаженные и вечной славы достойные памяти Государя императора Петра Великого Собственной руки жалованной грамоты, а за подписанием ее в 1742-м году ноября 1 числа ее Императорского Величества собственные руки привилегии при Кизляре в урочище Сарафанниковом меж казацких городков Новогладковским и Щедринским шелко-

вым заводам и преждеотведенный под тот Шелковый завод, там же для севяния сорочинского пшена и хлопчатой бумаги, землю отдать отведенную и намеренную...»[3].

В это же время составлено и первое картографическое изображение местности данного земельного надела: «План шелковому заводу при реке Терек, в урочище Сарафанниковом...» по которому достоверно определяются границы надела, месторасположение селения, заводских строений, пахотных удобных земель, кладбище [4].

Шелковое производство становилось выгодным для получения прибыли. 1 мая 1764 года в протокольной записи мануфактур-коллегии Российского государства появилась запись: «...по известию цареградской коммерции обер-директора и кизлярского шелкового заводу содержателя Василья Хастатова, которым между прочего объявляет, что для лутчаго того завода отправлен на оной директором ево, Хастатова, сын Богдан з братом Макаром и по прибытии его туда зделан хороший успех...»[5].

Для расширения производства со всего Кавказа привлекались и выкупались из плена у горцев мастера шелкового производства. Правительственная комиссия во главе с генерал-майором Ступишиным отмечала, что эти люди обитают в селении Шелкозаводском «... в 104 дворах, из числа коих 75 человек и вечное Е.И.В. подданство действительно вступили. А притом видел, что они как скотом, так и домашним всяким скарбом и по состоянию их изобильны и по разговорам с ними они объявили, что приемом и содержанием хозяев своих весьма довольны. А потом освидетельствовал он завод, на котором состоят вновь построенные принятыми ими, содержателями, итальянским мастером для кормления шелковичных червей амбары с лишком на 20 сажнях. Для поливания тутовых деревьев из реки Терки вырыт канал, называемый по персицки татаул, на 2-х верстах и прочего всякого заводского строения и прочих припасов и инструментов довольное число. А тутовых деревьев как старых, так молодых и вновь по разным местам рассеяных многие тысячи. И по тому видно, что содержатели гораздо усердно труд свой и не малой капитал употребляют, и ежели они рачения своего не умалят, то весьма надежно в будущие времена, а особливо, сколько приметить мог, рачением прибывшего на оной завод содержателя Василя Хастатова, сына его Богдана Хастатова, очень довольно шелку получать. И для того в разсуждении оного их, содержателей, оказанного великого к заводу усердия по содержанию пожалованным им на тот завод блаженныи и вечной славы достойныи памяти от государя Императора Петра Великого грамоты, а от Ее И.В. привилегии и данного мануфактур-коллегии регламента надлежит им чинить всякое благодеяние...»[6].

Вот в такой ситуации обер-директор В. Хастатов решает стать единоличным хозяином производства. Спустя год Петр Лукич Ширванов продает «... пренадлежащие покойному моему отцу Луке Ширванову и мне Петру за Кизлярской крепостью в урочище Сарафанниковом в шелковом заводе и московской шелковой фабрики части, что нам с отцом моим принадлежит

со всеми мастеровыми и работными людьми и с деланными строениями и инструментами и материалами все без остатку... Василью Хастатову за тысячу рублей.» [7].

Позднее за долги шелковое производство было передано в казенное ведомство, однако Хастатовы по-прежнему управляли им. Государственная власть охотно доверила важное производство христианам-армянам, преданно служившим Российскому Отечеству.

Внук купца Сафара Аким Васильевич Хастатов, генерал-майор, Георгиевский кавалер за воинскую службу был удостоен дворянского титула. После выхода в отставку он вступил в права владения привилегией шелковых мануфактур на Тереке. После долгих тяжб с гребенскими казаками Хастатов А.В. постарался заручиться официальным документом, подтверждавшим его права на земельный надел и обзавестись поместьем на Тереке, которое назвал «Земным раем».

Нами был найден документ по которому следует, что в сентябре 1802 года поверенный от Гребенского войска войсковой есаул Гаврила Михайлов сын Тургенев при межевых делах канцелярии землемера коллежского регистратора Смирнова в присутствии генерал-майора и кавалера Акима Васильевича Хастатова заявил: «...развожусь полюбовно и впредь спокойно и бесспорно между нами гребенскими казаками и его Превосходительством... полагаю и утверждаю между,...(которая) начинается от реки Терека и от урочища Вязовой лучки отступя ниже острова Голубкина шесть сот сажень от лесу стеной от старой межи восемь сот семьдесят пять сажень... и по тому месту полюбовно развод быть направо земли Новогладковской станицы Гребенского войска казаков и на левом – Шелкового завода на Тереке в урочище Сарафанниковом его Превосходительства Акима Васильевича Хастатова, что я поверенный Тургенев с дозволения своего начальника учинил сей развод, то в том казаки и по них наследники спорить и прекословить никто не будет, прежние свои показания оставят и предадут вечному забвению.

С копии верно, генерал майора и кавалера Хастатова поверенный губернский секретарь Роман Васильевич сын Григорович» [8]. К этому документу прилагается и план земельного надела Хастатовых, который «снял и план сочинял кизлярский уездный землемер губернский секретарь Константин Шубин». В виду важности этого документа для историков и лермонтоведов приведем его часть, где указаны размеры надела Хастатовых. «План Кизлярского уезда земель примежованной к Шелковому селению в урочище Сарафанниковом состоящему при реке Терек господина генерал-майора и кавалера Акима Васильевича Хастатова из числа дачи Гребенского войска Новогладковской станицы казаков, землемером коллежским регистратором Смирновым, по принятому в поверенного Гребенского войска войскового есаула Тургенева отводу по старым граням как-то от острова Го-

лубкина, двух карагачей дерев и дуба... по измерению и исчислению оказалось удобной 2429 десятин 130 сажен, неудобной 806 десятин 1230 сажен, а всего удобной и неудобной 3235 десятин 1360 квадратных сажен» [9].

Это ставит точку во всех спорах о месторасположении усадьбы Хастатовых, которая стояла в юго-восточной части селения Шелкозаводского на земле ПОМЕСТЬЯ, что засвидетельствовано вышеуказанным документом. На современном участке «старой станицы» на Тереке это место нами определено по археологическим изысканиям, имеет богатый культурный слой, поднято было много фрагментов посуды и предметов быта, неподалеку найден был клад монет XVIII века [10].

Находившийся в четырех верстах хутор Паробоч, основанный по преданию венгром-виноделом Паробичем, никогда Хастатовым не принадлежал, ибо сначала находился во владении князей Вяземских, а в 1794 году был продан армянскому торговцу Калустову, который дослужился до звания титулярного советника. Это подтверждают архивные документы «Щедрина станичного правления Кизлярского отдела Терской области за 1847 – 1907 г.г.» [11].

Более ранние документы за 27 июня 1827 года [12] содержат данные «об измерении дачи помещика Калустова в селении Парбучеве», где указываются «... господский дом, строения разного звания, сады помещика Калустова» [13]. Неподалеку располагались армянский молитвенный дом и армянское кладбище [14]. Территория этого некрополя по нашему свидетельству сохранялась еще в девяностые годы XX века.

Мы полагаем необходимым привести выписки из вышеуказанного фонда «Материалы об межевании земель Гребенского казачьего войска» за 15-24 июня 1827 г.», где содержатся ордера, клятвенные обещания, полевые журналы в целях объективности и исторической правды о местах, связанных с пребыванием М.Ю.Лермонтова у родственников Хастатовых на Тереке.

В документах написано что, в числе понятых людей для межевания земель названы: «...селения Шелкозаводского крестьянин генерал-майорши Хастатовой Павел Чалов, Григорий Умыренков, Кирил Чеснов, Федор Емельянов, селения Парбучева дворян Калустовых крестьянин Петр Сорокумов, Терского же Семейного войска Каргалинской станицы отставной казак Трофим Коломинский и священник селения Шелкозаводского Гавриил Егоров» [15].

Землемер Краснопольский проводил межевание земель грузинской слободки, где упоминаются церковь, озеро, дороги [16]. «По дачам: 1-й селения Шелкозаводского владений грузин и армян и 2-й генерал-майорши Хастатовой в контуре поверка мною по окружным межам произведена... 19 июня 1827г.» – отметил старший землемер 8-го класса и кавалер Федоров [17].

В описании селения читаем: «...направо река Терек, а налево дворы госпожи Хастатовой», рядом «ограда армянской церкви...неподалеку грузинская церковь» [18]. В слободке крестьян Е.А. Хастатовой, устроенной в две улицы, строения водочного завода и ветряной мельницы. Вокруг сады виноградные, тутовые, фруктовые. Налево кладбище, далее дорога из Шелкозаводского в Новогладковскую [19].

Наследники основателя шелкового завода купца Сафара Хастатовы были владельцами и потом управляющими шелковым производством в селении Шелкозаводском (иногда в документах писали Шелководское или Шелковое).

Один из них генерал-майор Аким Васильевич Хастатов, участник русско-турецких войн и адъютант Суворова А.В., был женат на Екатерине Алексеевне Столыпиной из знатного русского рода. У них родились дети – Мария (1799 г.), Анна (1802 г.), Аким (1802).

Георгиевский кавалер Хастатов умер в 1809 году в Санкт-Петербурге, где и был похоронен. Вдова с детьми уехала на Северный Кавказ, где у них имелись дома в Горячеводске (будущий Пятигорск) и имение в Шелкозаводском селении на Тереке.

Нами уделяется внимание помещью и его обитателям еще и по той причине, что Хастатовы являлись армянскими родственниками поэта М.Ю. Лермонтова. Екатерина Алексеевна Хастатова и бабушка Михаила Юрьевича Елизавета Алексеевна Арсеньева были родными сестрами.

С 1973 по 1992 год автор, будучи жителем станицы Шелковской, участвуя в республиканских, всероссийских и международных научных конференциях по истории Северного Кавказа и Лермонтовских конференциях в Пятигорске и Тарханах излагал в публикациях, очерках свои личные изыскания археологического, этнографического плана и данные архивных документов.

Они опубликованы в следующих авторских изданиях: «По указу Петра» [20]; «Стали героями книг» [21]; «Историко-археологические объекты в районе создаваемого музея-заповедника М.Ю.Лермонтова в Шелковском районе ЧИАССР» [22]; «Выписки из дел Центрального государственного архива ЧИАССР, сделанные с 29 марта по 13 апреля 1990 года» [23]; «Строительство российской крепости Шелкозаводской в системе Кавказской укрепленной линии в конце XVIII-начале XIX в.в.» [24]; «Станица Червленая времен М.Ю.Лермонтова и ныне» [25].

Значительный объем материала, посвященного истории станицы Шелковской, имению Хастатовых и пребыванию М.Ю.Лермонтова на Тереке был собран нами в краеведческом музее Шелковской средней школы №1.

Так обнаруженный нами в Государственном архиве ЧИАССР документ «Выборка общему и подробному начислению делам 1-й части Гребенского войска, селения Шелкозаводского генерал-майорши Хастатовой и селения

Парубочевского помещиков Калустовых» опять же указывает на принадлежность земельных наделов на Тереке помещикам Хастатовым в Шелкозаводском, а Калустовым – в Паробоче [26].

Подтверждают это и более поздние документы за 1866 год, где Гавриил Павлович Калустов, давая объяснение по поводу сооружаемых казаками ирригационных и противопаводковых сооружений, которые проводятся, по его мнению, неправильно и канава «... подошла даже на несколько сажень к моей НОВОЙ КИРПИЧНОЙ УСАДЬБЕ» [27] (выделено Н.Е.). В этом же документе хранится личное заявление Г. Калустова, написанное 27 марта 1878 года в станичном правлении Шелковской.

Подтверждение тому, что хутор Паробоч и земля вокруг него принадлежала Калустову, мы находим и в газете «Терские ведомости» № 10 за 1881 год в статье казачьего старшины жителя станицы Щедринской Н.Г. Абрамова. В заметке «Сунженское и Терское городище» (по поводу книги И.Д. Попко), упоминая городище «которое находится влево от почтовой дороги, идущей из станицы Щедринской в станицу Шелкозаводскую» автор указывает на владение – «дачу помещика Калустова».

Таким образом, можно уверенно утверждать, что сохранившийся двухэтажный каменный особняк в современном хуторе Паробоч принадлежал землевладельцам Калустовым.

В 1818 году Елизавета Арсеньева вместе с внуком Мишей Лермонтовым впервые была на Северном Кавказе, где встретила сестрой Екатериной Хастатовой, женщиной незаурядной, прозванной «авангардной» помещицей. Позднее Хастатова приезжала к своим родственникам в Тарханы и Москву. Ее рассказы о жителях гор, песни и обычаи терских казаков, тревожная жизнь линейной станицы оказали большое влияние на раннее творчество Михаила Лермонтова [28].

Умерла Е.А. Хастатова вдалеке от Шелкозаводской. В северной части города Георгиевска у деревянной церкви Покрова еще в начале XX века можно было прочесть на каменном надгробии: «Генерал-майорша Екатерина Алексеевна Хастатова, урожденная Столыпина, родилась 1771 года октября, умерла от холеры 1830 года августа 13 дня» [29].

Наследником кавказских владений стал Аким Акимович Хастатов, который с 1828 года был офицером лейб-гвардии Семеновского полка. В 1832-1835 гг. выйдя в отставку, живет в своем имении в Шелкозаводске, где прослыл отчаянным храбрецом и сорвиголовой. Позднее он вновь поступил на службу в гвардию, но с правом прохождения ее на Кавказе, где и встречается в 1837 году со своим племянником и уже широко известным поэтом М.Ю. Лермонтовым.

Михаил Юрьевич вновь видит места, знакомые ему с детства. Вновь он очарован отвагой духа гребенских казаков, покорен красотой бурного Терека-Горыныча. В имении Хастатова жила кумычка по имени Бэлла, с которой у его дяди были романтические отношения. На крепостном валу бывшей крепости Шелкозаводской дежурил казачий пикет. На предместном

укреплении часты были встречи бывалых кавказских офицеров, гостивших в хастатовском имении. Истории и рассказы из жизни этих людей и родственника Акима Акимовича отразились в прозе поэта. Один из них стал сюжетом для «Фаталиста». Биограф поэта П.А. Висковатов со слов родственника А.П. Шан-Гирея запишет: «Место действия – Червленая станица, Хастатов и есть офицер, бросившийся в окно на убийцу» [30].

В те годы практически в каждой казачьей станице на отдыхе находились воинские части. Офицеры вносили определенное влияние на быт станичников, повышая их кругозор и культуру.

А.А. Хастатов в роковые для поэта дни был в Пятигорске и после его гибели вернул В.Ф. Одоевскому записную книжку со стихами Лермонтова, которые Михаил Юрьевич написал в последнее время жизни на Кавказе.

Выйдя в отставку, в чине капитана, Хастатов поселился в своем имении на Тереке, которое, как и мать, называл «Земным раем», за красоту окружающей природы.

В альбоме художника того времени П.И. Челищева есть рисунок Акима Акимовича, где на фоне одноэтажного строения и виноградного сада изображен средних лет бородатый мужчина, в гражданском платье и в широкополой шляпе. Об этой шляпе и самом Хастатове ходило много рассказов и анекдотов, где описывались его приключения. Кавказский офицер В.А. Полторацкий вспоминает: «...со стороны Щедринской станицы послышался выстрел из орудия, за ним другой и третий. По сигнальной трубе подается «тревога», казаки дежурной сотни стали выскакивать на станичную площадь.... Вот и станица Шелководская, вот господский дом, а вот на балконе его и сам хозяин Аким Акимович Хастатов. ... не долго думая, с одной тростью в руках, перепрыгнув через балюстраду своего балкона, вскакивает на казачью лошадь и, забывая, что он без всякого оружия,... во всю прыть несется, чтобы догнать своего приятеля Сулова» [31].

Даже три десятилетия спустя после смерти «авангардного помещика» терский краевед Г.А. Ткачев, описывая так называемое «суловское дело 1846 года», где произошло столкновение между казаками и горцами, не удержался и привел случай из жизни Хастатова. Когда окруженным со всех сторон казакам было трудно сдерживать яростное нападение противника - «...На счастье, находился в среде их один местный шелковской землевладелец, отставной капитан гвардии Аким Акимович Хастатов, который по тревоге выехал из простого любопытства на Амир-Аджи-Юртовскую переправу и для препровождения времени отправился вместе с казаками. Он был в обыкновенной гражданской одежде, без всякого вооружения, только с одним хлыстиком, взятым для понукания верховой лошади. В то время как казаки, перераненные стали заметно терять бодрость духа, Акиму Акимовичу потребовалось выйти из каре по обыкновенной для всякого смертного необходимости, о чем он и объявил, прося его пропустить между лошадьми. Это возбудило общее внимание: его уговаривали не выходить, а остаться под

защитой каре, но на Акима Акимовича не подействовали никакие убеждения, и он прехладнокровно вышел из рядов, прямо под выстрелы неприятеля и, конечно, исполнил то, что требовала его природа. На него была направлена в это время куча неприятельских выстрелов, но, к удивлению всех, он остался цел и невредим и спокойно вошел обратно в каре» [32].

Хастатов прожил жизнь довольно долгою. В 40-х годах XIX века он побывал в Италии и Франции, но всегда возвращался в свой «Земной рай». В его имении побывали знаменитый французский писатель Александр Дюма и будущий гений русской литературы Л.Н. Толстой. В дневниковых записях Льва Николаевича за 1852 год неоднократно отмечено его пребывание в Шелковской у Хастатова, где он охотился в окрестных лесах, «был хорош и не скучал...». Несомненно, что после бесед с Акимом Акимовичем и увиденных окрестностей Л.Толстой записал: «Читаю Лермонтова третий день...»[33].

В рукописном отделе Российской государственной библиотеке сохранилось несколько писем Хастатову на Терек и его ответы. Приведем их для того, чтобы представить обстановку того времени на Северном Кавказе и род занятий «передового помещика Российской империи», как звали Акима Акимовича друзья и казаки-гребенцы.

27 октября 1845 года его родственник А.А. Столыпин спрашивает: «Как-то ты, любезный друг, на Кавказе поживаешь? Спокойно ли у вас на Терекке? Каков был урожай винограда?» И в другом послании от 23 июня 1846 года читаем: « Письмо твое от 29 мая получил, оно меня совершенно восхитило, я всегда знал, что ты человек храбрый, но в сем деле (речь идет о том самом «сусловском деле», приведенном выше. – Прим. Н.Еремин.) ты оказал более, нежели храбрость и неустрашимость, а присутствие духа, которое не всякому дано в удел. Только, любезный друг, опасаясь одного, чтобы таковые твои подвиги не завлекли тебя в бесполезные опасности. Вспомни, что ты теперь мирный житель и что без всякой надобности бросаться в опасности нет необходимости. Другое дело, ежели бы ты был на службе» [34].

Письмо А.А. Хастатова к своему родственнику А.И. Философову, которое приводится целиком, дает представление об интересах и занятии отставного капитана в своем имении:

«23 ноября. Земной рай.

Любезный братец, Алексей Илларионович! Нету худа без добра даже в мелочах обыденной жизни. Если бы Николай не остался за границей, я носил бы привезенные им рубашки, а теперь имею удовольствие читать дружеское письмо ваше и предлог побеседовать. Прошу вас акции и деньги оставить у себя: увидимся – сочтемся. А денег у меня и куры не клюют, хотя иногда, как теперь, очень мало. Стоит только не отступить от правила, чтобы нужно было именно столько, сколько их есть налицо, а если будет 20% более – так вот и богатство!!! И ей-ей, очень легко так себя обставить – ничего, иногда даже весело. Право так – при мысли, что хотя у меня денег мало и

гораздо меньше других, а я в ус никому не дую и никому не должен. Главное, на чужой каравай рта не разевай и не суйся, куда не под силу, - не садись в чужие сани! Когда у меня мало этих игрушек, я блаженствую в земном моем раю во всей силе этого слова, в особенности летом, а зима-то у нас несколько недель.

Зимой в деревне, правда, вечера длинные, в особенности, если нельзя читать.

Климат у нас теплый, сухой и здоровый, флора, леса, Терек и снежный хребет величественны – это для наглядного. Книг и журналов у меня в околотке много. Насчет клубники – тоже ничего. Женщины наши красавицы, можно сказать, славянские испанки. Для стола всякая дичь, рыба, вина, фрукты в изобилии. Чего же больше? Казалось бы, и умирать не надо! Одно желание – хочется хоть изредка просвежиться: послушать оперу, посмотреть театр да как добрые люди в довольстве живут. А главное, повидаться со всеми вами, обнять да сказать: не поминайте лихом любящего вас друга и брата Акима Хастатова. Насчет Катюши скажу то же, что в начале письма. Очень сожалею, что милая ваша Адина нездорова, и молю бога, чтоб она была счастлива. Дмитрий Доктуров ранен, он славный молодой человек, все в походах, так что я его давно не видел. Что наш Гог-Магог – кн. Александр Иванович – приедет ли к нам? А славно бы сделал, если бы сумел вовремя сказать: довольно – погулял. Мне кажется, прочат К- мирского – молод еще. Славно было (бы), если бы назначили Коцебу, – знает край, как свои пальцы, деятелен и имеет изумительную память. Впрочем, по мне, кто ни поп, тот батяка. Не взыщите, я заврался и, вероятно, давно наскучил всей этой галематией – А.Х.» [35].

Вдали от светских Петербурга и Москвы «авангардный» помещик не чувствовал себя ущемленным и оторванным от «света», был в курсе всех событий не только на Кавказе, но и о том, что происходило за границей.

В 1865 году А.А. Хастатова постиг апоплексический удар, он ослеп. В 1881 году комиссия, стремившаяся установить истинное место дуэли Лермонтова, направила письмо в Шелковскую. Выехать больной Аким Акимович не смог, но указал на Евграфа Чалова, бывшего их дворового человека, жившего тогда в Пятигорске и присутствовавшего при той роковой дуэли поэта М.Ю. Лермонтова.

Нами в 1990 году в Государственном архиве Чечено-Ингушской АССР были обнаружены документы [36] с упоминанием фамилии помещика Хастатова, в связи с нахождением у него в работниках бондаря Осипа Ерощкина, подлежащего рекрутскому призыву. Сведения о праве на поместье сохранил документ – «Купчая Хастатовых» [37].

На сегодняшнее время нет сведений о точной дате смерти Акима Акимовича Хастатова. Есть только косвенные свидетельства.

В 1883 году родственник А.А. Хастатова А. Шан-Гирей в Пятигорске объявляет о продаже домов «покойного гвардии капитана Хастатова». Обнаруженный нами документ, датированный 13 марта 1886 года, перечисляет

имена землевладельцев которым вручены повестки «...всем частным владельцам, имеющим владения на речной полосе за исключением владельцев отставного подполковника Тита Синюхаева и имений Калустова и Шан-Гирей (родственник Хастатова, вступивший в права собственности после смерти «авангардного помещика» – Н. Еремин), которым уже даны повестки.» [38]. Это подтверждает, что эти землевладельцы владеют усадьбами в указанное время.

Но в 1885 году станицу Шелковскую постигло катастрофическое наводнение. После этого события Шан-Гирей продает имение в «Земном Рае». Население станицы перебралось в более безопасное от бурного Терека место. Была перенесена и церковь. В те времена, по существовавшей традиции священников и знатных людей хоронили в церковной ограде. Могила А.А.Хастатова должна быть там, где раньше стоял Свято-Варваринский храм.

Нами в 1990 г. была обследована территория некрополя на «старой станице» Шелковской, где хоронили с XVIII до начала XX века. Обнаружены и зафиксированы 45 каменных надгробий с вырезанными на них надписями. В это время на восток от некрополя простирались пахотные земли, а до 1975 были виноградные сады, которые старожилы называли «хастатовскими». В северной части лесные заросли, за которыми сохранилась канава –татаул для полива садов, в западной части - возвышение, где стояла церковь и вокруг в южном до Терека направлении и на запад на протяжении около полутора километров холмы с деревьями акации – места казачьих домов и усадеб. В середине 80-х годов минувшего века кладбище было частично разрушено при строительстве бетонной дороги. По текстам, сохранившимся на части надгробных плит, зафиксированы захоронения 1804, 1829, 1870, 1880, 1881, 1891 г.г.

Приведем примеры надписей: «Здесь покоится прах Марии Ефстафьевны Борисовой. Умерла 19 апреля 1891 года», «Здесь покоится Василий Григорьевич Дубников. Имеет от роду 45 лет», «Здесь покоится вдова Анна Николаевна Дубникова. Имеет от роду 90 лет».

Часть надписей была вырезана на каменных надгробиях на староармянском языке. По нашему приглашению из Еревана приезжал доктор исторических наук (Ереванский педагогический институт имени Хачатура Абовяна) Григор Месропович Григорян, который помог дешифровать надписи на могильных плитах. Вот эти тексты: «Сия гробница владыки Исяя, внука Махитара 1804 год», «Сия гробница жителя Астрахани сына Бали Сарапяна», «Под камнем сим находятся кости моздокского Абрама Акоповича Черкизянца. Родился 13 июня 1829 года. Скончался 12 февраля 1882», «Эта гробница Ионеса Мкртыновича Гарабянц. Рождения 1849. Скончался 1880».

Плиты с именем А.А. Хастатова не обнаружено. Причина может заключаться в том, что во времена забвения исторических корней, некоторые предприимчивые дельцы, из местных новопоселенцев середины XX века,

вывозили каменные надгробия для закладки фундамента при строительстве частных домов. Такие многочисленные факты были нами выявлены даже в конце 80-х годов XX века. Так с территории ограды бывшей Свято-Варваринской церкви вывезли гранитный памятник знатного станичника генерал-майора Г.А. Борисова, умершего в 1914 году.

Вот такая же участь могла постичь и надгробие «авангардного помещика» А.А. Хастатова, ставшего прототипом героев лермонтовских произведений.

Между селением Шелкозаводским под прикрытием военной крепости с таким же названием существовала еще одна помещичья усадьба, но весьма скромных по площади размеров, где к жилым и хозяйственным строениям примыкали сад и огороды. Хозяином поместья был уроженец итальянского города Тосканы Дельпоццо, получивший на русской военной службе имя Ивана Петровича. С 1775 года он был офицером сухопутного кадетского корпуса, а в 1795 году произведен в полковники и стал командиром Казанского полка, расквартированного в Шелкозаводской крепости. Во времена Павла I Дельпоццо вызвал неудовольствие царя своим рапортом и ушел в отставку и поселился рядом с крепостью, разводил виноградники и фруктовые сады. Возможно, жизнь итальянца так бы и закончилась на берегу Терека, если бы не его захват абреками и требование огромного выкупа за освобождение: арба (телега горская) с серебряными монетами. Было два пути: собирать деньги среди офицеров или, как предложили казаки, добыть в набеге, угнав скот у тех же горцев и продав его за требуемую сумму. Казаки осуществили второй вариант и выручили отставного полковника из плена. Случай этот принес широкую известность итальянцу на Северном Кавказе [39].

Фруктовый и виноградные сады, посаженные на усадьбе Дельпоццо сохранялись и плодоносили в этом районе вплоть до 90-х годов XX века.

Земли нижнего течения реки Терек были обустроены, прежде всего, славянским населением края. Однако надо отдать должное тому, что и весомый вклад в этот процесс был внесен представителями разных народов.

Итак, подводя итоги нашего исследования о месте и роли «авангардных» помещиков в освоении Терского края можно сделать следующие выводы:

1 Помещичьи усадьбы на участке Гребенского полка по левобережью реки Терека были немногочисленны.

2. Они принадлежали или служивым в этом регионе военным (князь Вяземский, полковник Дельпоццо, венгр Паробич), или бывшим купцам (Хастатовы, Калустовы), ставшими дворянами за военные заслуги и службу России.

3. Основной род занятий в поместьях – шелководство, виноградарство и виноделие, реже - производство пеньки. Обязательным было разведение тутовых деревьев. Сбор шелка-сырца.

4. Несмотря на относительную близость к немирным горцам в усадьбах кавказских помещиков существовал определенный культурный уровень. Об этом свидетельствовало пребывание в крае не только военных частей и офицерства, но и таких знаменитостей как поэты А.Грибоедов, М.Лермонтов [40], А.Полежаев, будущая гордость России Лев Толстой [41] и даже французский писатель с мировым именем Александр Дюма [42].

5. На основании архивных документов и краеведческих изысканий нами доподлинно установлены территории усадеб владельцев имений в Шелкозаводском Хастатовых и в Паробоче Калустовых. Деревянный одноэтажный дом Хастатовых был разрушен во время наводнения 1885 года и не сохранился.

В современном хуторе Паробоч двухэтажный каменный особняк, построенный во второй половине XIX века, являлся собственностью Калустовых. Уникальность этого строения в том, что он единственный архитектурный памятник, из сохранившихся на Тереке господских домов, с характерной кавказской верандой.

К сожалению, в современной станице Шелковской не сохранились дома построенные в XIX веке – генерала Борисова, казачьих офицеров, героев Первой мировой войны 1914 -1918гг. Гергиева, Музурова, Савельева. Только в бывшем доме есаула В. Карина, стоящем в центре станицы, ныне действует православный Свято-Варваринский храм.

Выводы можно сделать следующие: Российское государство с начала XVIII века активизирует свою деятельность на Кавказе и планомерно проводит политику обустройства новых границ.

Роль государства в укреплении южных границ на Кавказе определялась военным присутствием в регионе. Строительство военных укреплений обеспечивало решение не только военных стратегических целей, но и обеспечивало безопасность населения и возможность экономического и культурного развития края.

Строительство крепостей и организация системной пограничной службы было важным направлением в продолжении государственной политики по освоению степной и предгорной зоны Северного Кавказа.

Под защитой Кавказской кордонной линии возникали новые города и селения, успешно развивались сельское хозяйство и товарное производство, в развитии которых принимали участие представители многочисленных народов Северного Кавказа.

Государственная власть стремилась не только использовать казачество как военную силу, но и предпринимала шаги для благоустройства края и развития производства. В станицах строились храмы, открывались школы, лечебные заведения. Шелковской военный полугоспиталь, располагавшийся в бывшей крепости Шелкозаводской, оказывал помощь не только офицерам и солдатам, но и местному населению.

Поощряется занятие шелководством, сбор красительных корней марены, виноградарство и садоводство, разведение скота и высокоценной

породы терских лошадей. В станицах создаются винодельческие и спирто-курительные заводы.

Опыт обустройства новых территорий в прошлом с участием правительственных структур актуален и для нынешних поколений казаков, которые после вынужденного исхода с родных мест, призваны не только сохранить, но и возродить былую славу казачества, верных сынов Отечества.

С помощью старожильского казачества и при деятельном участии администрации Царского правительства на Кавказе новоприсланные казаки и вновь учрежденные станицы пополняли не только экономическую базу, но и являлись людским ресурсом и оплотом государства в данном регионе. Славянское население не только внедряло передовые методы хозяйствования и создавало новые предприятия по переработке сельхозпродукции, но и сознательно делилось новшествами с местными народами.

Важно отметить, что жители этого края: дворяне, казаки, крестьяне, независимо от национального происхождения, осознанно считали себя россиянами. Именно эти слои общества способствовали формированию «приятельных» отношений между горцами Кавказа и российской стороной.

Вклад их в становление и развитие российской государственности на Северном Кавказе должен быть по достоинству оценен потомками и исторической наукой.

Список источников и литературы.

- 1 РГАДА. Ф.100. О. 1710. Д. 3.
- 2 Сенатский указ № 4887 от 20 мая 1726 г.
- 3 ЦГИА Грузии. Ф. 2. Оп.1. Д. 34. Л. 4.
- 4 РГИА Ф. 1399. Оп. 1. Д. 25.
- 5 РГАДА. Ф.277. Оп. 1. Д. 99. Л. 397.
- 6 РГАДА. Ф.277. Оп. 1. Д. 99. Л. 397.
- 7 РГАДА. Ф.227. Оп. 1. Д. 375. Л. 32 и оборот.
- 8 ЦГИА Грузии. Ф. 2. Оп. 1. Д. 34. Л. 4-5.
- 9 ЦГИА Грузии. Ф. 2. Оп. 1. Д. 34. Л. 4-5.
- 10 Виноградов В. Б. Памяти вечная нить.– Грозный.1988. – 216 с.; Еремин Н. М. По указу Петра. – Шелковская. 1990.– 32 с.
- 11 ГАЧР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 5.
- 12 ГАЧР. Ф. 230. Оп. 1. Д. 37. Л. 21.
- 13 ГАЧР. Ф. 230. Оп. 1. Д. 37. Л. 22.
- 14 ГАЧР. Ф. 230. Оп. 1. Д. 37. Л. 24.
- 15 ГАЧР. Ф. 230. Оп. 1. Д. 37. Л. 2.
- 16 ГАЧР. Ф. 230. Оп. 1. Д. 37. Л. 3.
- 17 ГАЧР. Ф. 230. Оп. 1. Д. 37. Л. 10.
- 18 ГАЧР. Ф. 230. Оп. 1. Д. 37. Л. 10-11.
- 19 ГАЧР. Ф. 230. Оп. 1. Д. 37. Л. 12.
- 20 Еремин Н. М. По указу Петра.– Шелковская. 1990.– 32 с.

21 Еремин Н.М. Стали героями книг // Приложение «Всесоюзный Лермонтовский праздник поэзии» к газете «Кавказская здравница» Пятигорск, 1989 г. С.11.

22 Еремин Н.М. Историко-археологические объекты в районе создаваемого музея-заповедника М.Ю. Лермонтова в Шелковском районе ЧИАССР // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Чечено-Ингушетии. Тезисы докладов. – Грозный, 1990.

23 Еремин Н.М. Выписки из дел ЦГА ЧИАССР, сделанные с 29 марта по 13 апреля 1990 г. // Сб-к «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа». – Армавир, 2002.– С.114-116.

24 Еремин Н.М. Строительство российской крепости Шелкозаводской в системе кавказской укрепленной линии в конце XVIII-начале XIX веков // Ученые записки Курского государственного университета. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – Курск, 2011. <http://www.scientific-notes.ru/pdf/022-007.pdf>

25 Еремин Н.М. Станица Червленая времен М.Ю.Лермонтова и ныне. Быль и легенда о Зелимхане (казаки и горцы) // Возрождение казачества – это не ребячество. – Губкин. 2013.– С. 22-34.

26 ГАЧР. Ф. 230. Оп. 1. Д. 37. Л. 28.

27 ГАЧР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 5. Л. 133.

28 Лермонтовская энциклопедия / Под ред. В.А. Мануйлова. – М. 1981.– 784 с.

29 Шабловский Н.И. Георгиевские кладбища // Записки общества любителей казачьей старины. – Владикавказ, 1914. – № 10. – С. 61.

30 Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество. – Москва. 1987. – С. 322.

31 Полторацкий В.А. Воспоминания // Исторический вестник. – С-Пб. 1893 Т. II. – С. 730.

32 Ткачев Г. А. Станица Червленая: исторический очерк: Вып. 1– Владикавказ .1912.– С. 222

33 Толстой Л.Н. Дневники. –М., 1985 г. Собр.соч. в 22 томах. Том 21. – С. 84.

34 Кавказское окружение М.Ю. Лермонтова в 1837 г. А.А. Хастатов // URL: http://www.kmvline.ru/lerm/b_22.php [24 февраля: 15 чч. 15 мм. 2013 гг.].

35 Кавказское окружение М.Ю. Лермонтова в 1837 г. А.А. Хастатов // URL: http://www.kmvline.ru/lerm/b_22.php [24 февраля: 15 чч. 15 мм. 2013 гг.].

36 ГАЧР. Ф. 115. Д. 3. Л. 18.

37 ГАЧР. Ф. 230, Оп. 1. Д. 37.

38 ГАЧР. Ф. 115. Оп. 1. Д. 3. Л. 249.

39 Потто В.А.Кавказская война: в 5 т. – Ставрополь, 1994. – Т. 1. – С. 658 -667.

40 Кавказ и Россия в жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова // Материалы Всесоюзной лермонтовской конференции 1984 года в Грозном. Сост. К.Б. Гайтукаев. – Грозный, 1987.

41 Л.Н.Толстой и Чечено-Ингушетия. – Грозный, 1989.

42 Шерипов С. Александр Дюма-отец в Чечено-Ингушетии, или сто двадцать лет спустя. – Грозный, 1981.

НОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА 1920-Х ГОДОВ В АНАЛИЗЕ ШКОЛЬНЫХ УЧЕБНИКОВ ИСТОРИИ И НЕОБХОДИМЫЕ ПРИЧИНЫ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Коленчук Виктория Олеговна,

*Магистр 2 курса факультета истории,
политологии и права*

*Московского государственного областного университета,
г. Москва*

Аннотация. Изучение истории в современной России – одно из ключевых направлений молодежной политики. Однако разнообразие учебного материала и различные интерпретации отдельных аспектов истории существенно отличаются. Необходимо детальное изучение каждой темы для нахождения консенсуса. Одним из наиболее спорных периодов отечественной истории является новая экономическая политика 1920-х годов.

Ключевые слова: история, фальсификация, экономика, политика, образование, школа

Abstract. The study of history in modern Russia is one of the key areas of youth policy. However, the diversity of the teaching material and the various interpretations of certain aspects of history are significantly different. Detailed study of each topic is needed to find a consensus. One of the most controversial periods of Russian history is the new economic policy of the 1920s.

Key words: history, falsification, economics, politics, education, school

Сегодня в современной России ключевое место отводится изучению отечественной истории, большое внимание уделяется и школьному курсу истории. История – важная составляющая общественной жизни, она активно используется различными элементами для ведения информационной войны при помощи методов мифологизации и демонизации, в результате чего становится более актуальным изучение родной истории и развития патриотизма.

Сейчас среди исторического сообщества нет единого мнения по значительным вехам российской истории. Кроме всего прочего, книжные лавки заполнены околонушной, а порой и вовсе фантастической, литературой, которая сознательно искажает историческую действительность, попадающую в поле зрения учеников. Федеральный перечень учебников истории же

предлагает огромный выбор учебной литературы, которая предлагает различные трактовки того или иного события.

Остановимся более подробно на освещении новой экономической политике в учебниках истории для старших классов, так как пути решения различных проблем могут способствовать дальнейшему развитию нынешней России. История способна дать ответы на все вопросы современного мира.

Новая экономическая политика 1920-х годов занимает важное место как в советской, так и российской истории. Авторы большинства учебников отмечают, что переход к преобразованиям в сфере новой экономики осуществлялся под давлением политики военного коммунизма (восстания в Сибири, Кронштадтский мятеж). Однако, не смотря на эти события, часть историков относят НЭП к вынужденной попытке удержать властные полномочия через путь экономических уступок рынку [5, с. 191, 195], другие – что Ленин видел дорогу к социализму через реализацию новой экономической политики [2, с. 137].

События, связанные с голодом 1921 года, резко расходятся во мнении относительно количества погибших. Шестаков В. А., Дмитриенко В. П., Есаков В. Д., считают, что в период голода погибло около 1 млн человек [3, с. 164], тогда как Данилов А. А. и Косулина Л. Г. называют цифру в 5 млн человек [1, с. 133].

Рассматривая данный период, специалисты отмечают, что помимо новых рыночных отношений в стране продолжали действовать методы военно-коммунистического управления. Однако вывод Островского В. П. и Уткина А. И. вызывает сомнения, что концу 1922 года отступление от политики военного коммунизма полностью изжило себя [5, с. 194].

Как известно, период нэпа состоял из двух последовательных этапов с ориентацией на политическую и экономическую сферы:

- 1921-1925 гг. – период экономических реформ и смягчение политического развития;
- 1926-1929 гг. – свертывание политики нэпа и возрождение элементов военного коммунизма.

Некоторые же учебники грешат фактологическими ошибками, например, уже упомянутый учебник Уткина и Островского введение золотого червонца связывает с 1926 годом [5, с. 195]. Однако достоверно известно, что денежная реформа была проведена несколькими годами раньше, а именно в 1922-1924 годах. Большинство авторов отмечают в своих работах, что к середине 20-х годов XX века удалось восстановить дореволюционный уровень развития промышленного производства и сельского хозяйства.

Также заметен недостаток материала о причинах кризисных явлений.

Загладин Н. В. и Симония Н. А. в учебнике «История России и мира» указывают на то, что партия большевиков стремилась предотвратить свою монополию на власть, ослабив контроль на экономическую сферу жизни общества [4, с. 147].

Учебная литература достаточно подробно описывает общественно-политическое развитие в 1920-е годы, внутрипартийную борьбу за власть, формирование оппозиции Сталина. Кстати, одну из причин возвышения Сталина авторы учебников истории видят в использовании власти Генерального секретаря. Как правило, основная часть материала на страницах учебников отводится политическим процессам затронутой эпохи, отводя при этом второстепенную роль социальным преобразованиям. Необходимо более подробно изложить социальную политику в период нэпа, а это именно: борьба с преступностью, безработица; анализ общественных слоев; отношение народа к нэпу.

В учебниках истории политика большевиков по отношению к РПЦ рассматривается в контексте событий 1922 года и связана с конфискацией церковных ценностей. А вопросы, связанные с появлением «Союза воинствующих безбожников», введение советских праздников не рассматривались вообще. Стоит отметить, что изложение данного материала позволило бы учащимся наиболее полноценно понять политику большевиков, которая была направлена на создание и воспитание «нового» человека.

Рассматривая международную политику СССР в указанный период, авторы учебника «История России XX- начало XXI века» (Косулина Л. Г., Данилов А. А., Брандт М. Ю.) указывают на то, что в 1920-е гг. проводилась двойственная внешняя политика: сотрудничество с западными капиталистическими странами; расчет на мировую революцию [2, с. 149].

Как видно из проведенного анализа учебников истории России, тема новой экономической политики 20-х годов рассматривается не столь значительно, как следовало бы. Во многих учебниках не раскрыты важные положения и особенности этого периода, тема зачастую изучается вскользь.

Подробное изучение темы нэпа осуществляется, как правило, в высших учебных заведениях, в особенности на исторических факультетах. По теме новой экономической политики написано огромное количество дипломных и кандидатских работ, а также крупная исследовательская составляющая в виде научных работ.

Список литературы

1. Данилов А.А., Косулина Л.Г. История России. XX век: учеб. кн. для 9 кл. общеобразовательных учреждений. М., 1995.
2. Данилов А.А., Косулина Л.Г., Брандт М.Ю. История России. XX – начало XXI века: учеб. для 9 кл. общеобразовательных учреждений. М., 2007.
3. Дмитренко В.П., Есаков В.Д. Шестаков В.А. История Отечества. XX век. 11 класс: учеб. пособие для общеобразовательных школ. М., 1995.
4. Загладин Н.В., Симония Н.А. История России и мира в XX – начале XXI века. 11 класс. М., 2011.
5. Островский В.П., Уткин А.И. История России. XX век. 11 класс: учеб. пособие для общеобразовательных школ. М., 1995.

EURASIANISM: TO THEMING THE DIALOGUE OF RELIGIONS AND CULTURES AS THE THEME OF OUR RELEVANCE

Seitakhmetova Natalya.

*Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies,
Kazakhstan.*

Bektenova Madina.

*Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies,
Kazakhstan*

Zhandossova Sholpan

*Institute for Philosophy, Political Science and Religion Studies,
Kazakhstan.*

Abstract

Against the background of the various socio-cultural and political processes taking place in the modern world, the discourse of Eurasianism reanimated by many scientists as a relevant model of comfortable coexistence of cultures, spiritual and moral traditions of the ethnic groups in space of Eurasia. Eurasianism, in its essence, is one of the models of dialogue of cultures, which can be presents as a strategic for Eurasian ethnic groups. However, it should be noted that the Eurasianism or already the Neo-Eurasianism, even post Neo-Eurasianism is understood and interpreted ambiguously, causing quite explainable controversy and debate over the issue of the preservation of the cultural sovereignty and religious identity in its paradigm.

It is clear that Eurasianism could not be meta-historical, let alone be arrayed into a meta paradigm content, because here it exists Eurasian tradition and semantic content, in which realized practical experience of Eurasia. Eurasianism of 19th and 20th centuries focused around unifying idea of Russia and Kazakhstan. In the 21st century Eurasian idea is becoming a multicultural and integrational content. A bright example of this - the EurAsEC strategy.

Key words: Eurasianism, Tolerance, Dialogue of Religions and Cultures, Kazakhstan, Religion identity, Islamic identity.

Introduction

The modern version of Eurasianism, implemented in Kazakhstan in the cooperation projects initiated by President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev played an important role in the preservation of peace, dialogue and stability in Central Asia and the Russian regions.

Kazakhstan's initiatives in promoting the idea of Eurasianism known and effective. One of the most important it is the question of the preservation of religious

and cultural codes that make up the core and the essence of culture, which communicates in the Eurasian dialogue.

The basic settings here have to be at the same time cultural sovereignty and cultural tolerance. About tolerance today is spoken and written a lot. We must recognize that the tolerance in the world today has become the most testing the virtue of humanity; it being criticized, it is excluded, not believe on it. Recent events in Europe related to migration, terrorist attacks, forced “to expel” tolerance and to draw conclusions about the possible limits of tolerance.

Experience of modern Europe proves us the truth about of its necessity. Whether it is the discursivity of tolerance or coercion to tolerance. Maybe is necessary preventive tolerance or the immunity of tolerance? In any case, the tolerance must be the principle of co-existence of cultures, otherwise there can be no speeches about cultural existence. Eurasianism in Kazakhstan's multicultural space for 25 years of independence was carried out as a strategic model of the dialogue of cultures, traditions, religions, in which tolerance was the preventive principle, despite the fact that setting of tolerance is rooted in the being of the Kazakh culture. It is connected with the political, economic and social realities of our time.

In the new conditions of life Eurasianism will be modeled in accordance with modern global processes and, of course, will be correlated, supplemented, modified, be transformed. It is appropriate to wonder about of its necessity and non finality. Historical objectivity is - Eurasianism as a strategy of dialogue, partnership, cooperation will be updated in connection with the necessity of Eurasian integration in all spheres of life. But here's how it will be: the formal or the sanguineously-constructive depends on many factors, including the presumption of the cultural sovereignty and cultural tolerance.

Religious identity

In the theme of Eurasianism for all republics in post-soviet space the one of the important ambivalent relevant is the theme of religion, religious identity and dialogue of religions. Religious revival took place in all post-soviet space. With the collapse of previous totalitarian ideology the role of religion as a unifying factor, as a factor of search for identity is significantly increasing. Historically, that Kazakhstan differed from others with its multinational and multi-confessional feature. And given fact was one of the main priorities of public policy of independent Kazakhstan in developing the model of interethnic and inter-confessional peace and consent which currently allows preserving tolerant trajectory in inter-relations between the representatives of different religions.

According to the researcher E. Burova (Burova, 2014: 6) in post-soviet space new religiosity is manifested as a feature of post-secular development, as a trend of lost identity and studied mainly in the axiological dimension, which divided the research and expert community. Researchers come to understand that in the era of social transformation religiosity presents as a significant indicator of the

changes, since it is related to the value-regulatory system, has the institutional organization and can significantly affect the personal, group and social identity.

Since in modern Kazakhstan is an intensive identification process, including a religious component, and religiosity of the population is one of the main ideological indicators showing the transformation of society, then effective state-confessional policy and developing of relevant model of secular state might be formed only with the taking into account the positions constituted in mass and special consciousness.

Experts point increase in the interest in religion and highlight such markers as construction, discovery and development of mosques and temples; increase in the number of religious literature; growth of the number of believers; communion and practical participation of citizens in religious rites, in following the religious calendar, the pilgrimage to the holy places becomes widespread, and so on.

Especially fixed by experts 1) an increase in the number of believers, practicing Islam traditional for Kazakhstan: "increasing number of of people showing interest to the traditional directions in religion"; 2) quantitative growth of youth in religion, its inflow into the traditional for the Kazakhstan Islam of Hanafi madhhab and Orthodoxy: "In recent years, significantly increasing the number of believers in the population (both Muslims and Christians), especially among the youth"; 3) increase in religiosity among the Kazakh youth (Burova, 2014: 39-40).

At the same time there is a tendency to increase the role of Islam and on macro social and political level. More and more often we hear about the Islamic integration of the states with a Muslim population, joining the global Islamic financial system, in the country is developing Islamic economic and educational content, the chairmanship in Organization of Islamic Cooperation (OIC) also had its fruitful results in the development of Kazakhstan relations with the countries of the Islamic world. This process is also logical, because Islam is represented in the region of Eurasia scale and traditional. Namely, the religious and cultural content seems to be quite effective in the Eurasianism integration between Kazakhstan, Turkey, Uzbekistan, Kyrgyzstan and other countries belonging to the Central Asian region, because there is a common history, the unifying ideas of the Turkic-Islamic world. In this context ontological presence of Hanafi School takes a great importance which played a role in establishing of tolerant belief practice in this region.

Many prominent Kazakh, Russian and foreign scholars are interested in problems of religious, including the Islamic Revival in the territory of the Post-Soviet space. The range of issues in a scientific research landscape of Islamic topics varied.

Islamic identity and inter-confessional dialogue

In the Euroasian space there has shaped a multi-confessional practice. Society develops in the Post-Secular direction, post-secularism today is not an atheistic ideology, but multicultural in which there is dialectic relationship of religious and secular. Islam and Christianity in the territory of Kazakhstan

ontologically are present at the tolerant versions, which opening for dialogue installation. Great value has the fact that traditionally in the territory of Eurasian space including in Kazakhstan Islam is professed in the Hanafi madhhab.

Interest in the Hanafi madhhab which is traditionally common in the countries of Central Asia, Turkey, Russia, etc., has increased after a series of terrorist attacks, for which Islamists and representatives of various radical groups alleged their responsibility. Since ideology the Hanafi mazhab in these areas contributed to the development of a moderate tolerant Islamic course and newfangled Islam-building does not find its actualization, the Islamic Ummah are the most tolerant community, the consolidating role of which is very active.

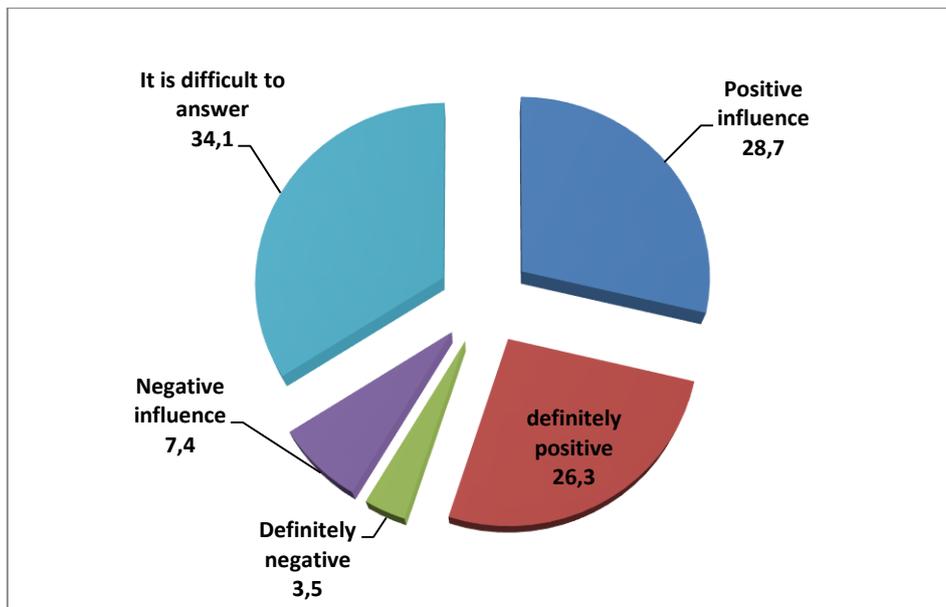
The mazhabs played an important role in the development of Islamic science since it developed theoretical thinking, free reflection on the most complicated issues of faith and reason, understanding human behavior from the standpoint of Islamic law. Hanafi madhhab in a number of basic doctrines differ by more rational approach in all spheres of social life, it is more loyal and tolerant to other religions, cultures. Hanafi model of life, in medieval Islamic society based on education, science and upbringing. Islamic legal base, based on precedent, developed for the moral and legal laws of the Muslim Ummah. In this link Hanafi madhhab develops the theme of legitimacy, responsibility and categorical moral Islamic imperatives.

According to the sociological research conducted by Institute of Philosophy, Political Science and Religion Studies on studying of influence of Hanafi madhhab on Kazakhstan society there were revealed the following indicators:

- Scales and tendencies of influence of Islam of Hanafi madhhab on Kazakhstan citizens.

Assessing the influence of Islam of Hanafi madhhab on Kazakhstan citizens 55% of respondents noted its positive influence, 10,9% underlined the negative effects on Kazakhstan people, 34,1% had a difficulty to answer the question (picture.1)¹.

¹ Values and ideals of Independent Kazakhstan. Collective monograph / Edited by Shaukenova Z.K. – Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religion Studies SC MES RK, 2015. – P. 187-192

Picture 1 – How Islam of Hanafi madhhab exert an influence on Kazakhstan citizens? (% from all respondents)

Also, was held a survey of 60 experts (of the groups of the imams, teachers of religious educational institutions, teachers of Religious Studies of the secular universities, employees of the Office of Religious Affairs, law enforcement officials and journalists) for revealing their views on the impact of hanafi madhhab on Kazakh society.

For example, to the question "Do you consider that the confessing the Hanafi madhhab among the Muslim population of Kazakhstan will lead to inter- confessional harmony in Kazakhstan society?" experts answered that the Hanafi madhhab is open to dialogue with other confessions, recognizes the diversity of the religious space of Kazakhstan, promotes the principle of "unity in diversity", which corresponds to the accepted universal norms and principles of tolerance (Table 1)².

² Values and ideals of Independent Kazakhstan. Collective monograph / Edited by Shaukenova Z.K. – Almaty: Institute of Philosophy, Political Science and Religion Studies SC MES RK, 2015. – 322 c.

Table 1

Do you consider that the confessing the Hanafi madhhab among the Muslim population of Kazakhstan will lead to inter- confessional harmony in Kazakhstan society?

<i>Variants</i>	<i>%</i>
Yes	76,7
No	16,7
Other: – Yes, if we consider the historical facts of the co-existence of given madhhab with other beliefs, the madhhab demonstrates openness and tolerance. But also we need to understand that issue is not only of madhhab, but also in its interpretation. For example, from the same madhhab is possible to deduce the opposite things like the Taliban, who professes the ideology of jihadism and intolerance; – Hanafi madhhab is quite tolerant to other confessions; – Inter-confessional consent is the result of dialogue among all confessions, the result of functioning of law on belief and religious relations.	
No answer	6,7

As is evident from the research for Kazakhstan's society is very important the preservation and strengthening of inter-confessional dialogue and inter-confessional harmony, which has at its core - communication, tolerance. All these is possible only in case of recognition of other personality, other culture and other worldview. it possible confidently to say that tolerance, dialogue and mutual understanding - the dominant values of the modern globalized world.

The values of dialogue in integration are very important for Eurasianism. Since the idea of Eurasian integration has absorbed the experience of the past historical heritage, to reconstruct the value aspects of dialogue of Islam with other religions, existed and exist in a polycultural landscape of Kazakhstan.

This is evidenced by the numerous forums and conferences on the problems of the Eurasian doctrine of Nursultan Nazarbayev, studying the experience of organizing and conducting of various dialogue platforms, a coherent policy of tolerance, harmony and co-existence of cultures and religions in the Eurasian space. Intercultural and interreligious dialogue is the basis of social and political stability of society and the regional security of the country as a whole.

The concept of eurasianism is not only an integration of two or three neighboring states, but it is an integration in the scale of Eurasia, extent of which consists the large part of our planet. For this reason the countries of Eurasia consider the dialogical integration policy as a priority.

So, for instance, eurasianism in its Turkish version was reanimated after the end of Cold War. Since the twenty first century the eurasianism was appeared as

the main intellectual movement against pan Islamism, pan Turkism and Westernization in Turkey (Şener Aktürk, 2015).

Turkish version of eurasianism was not an opposition of consolidation of Turkic World, on the contrary it strived to the dialogue of cultures, to the integration in the era of technological and economic development. Today, the initiatives of Turkey in this direction are relevant in the sphere of not only economics, but also in science and education, high technology and cultural exchange processes.

Conclusion

The value of eurasianism as a phenomenon of integration in post-soviet space is treated ambiguously. The Eurasian strategy is relevant for our research in terms of cultural and educational integration since culture and education will always be the main factors developing the life modes for society. Eurasianism in the space of modern Kazakhstan has not yet exhausted its phenomenological tasks, because it was aimed at modeling of dialogue in the common space of Eurasia. Rethinking and reinterpretation of Eurasianism in the realities of our time - one of the theme of political and cultural thought, because due to the global crisis in the economic and political processes there is a need to find new strategies to ensure spiritual and cultural security and stability in the Eurasian region. Many political scientists and culturologists have started talking about the "sunset", «exhausting» of eurasianism, «non-relevance» and even about its hopelessness. Those who tried to reanimate were considered as short-sided. Certainly, today the interpretation of eurasianism and its relevance is a quite complex task, but necessary one. Crying on eurasianism is not timely since it is still represented integration strategy in this region.

Probably, there is no need to come back to initial interpretation of eurasianism as a discourse of resistance to Europeanization and Islamization. Today, the Eurasian concept is deprived its ideological and worldview foundation. Its relevance is preserved not in ideological context, but in Eurasian cooperation in the sphere of science, education, and economics by preserving cultural sovereignties, cultural and religious identities. And, the Euroasian identity is also defined not by worldview aspects, but by common cultural values, similarity of geopolitical processes, the common history and geographical space. Russian scholar A. Dugin told about multidimensional, narrow and wide, dialogical and integration meanings of Eurasianism (Dugin A., 2000). It is quite right to understand eurasianism as a multidimensional phenomenon: as dialogue, as integration not only between the countries of the Eurasian region, but as integration between the countries of Europe and Asia in which one of the main priorities is the priority of civilization tolerance.

Eurasianism can be considered as a particular model of dialogic interaction, in which the role of Eurasia is presented as highly significant as a uniting peoples of Eurasia, revealing the potential of integrating the diverse cultures of the Eurasian region, the importance of national cultural life models, the religious landscape of Eurasia.

Exaggeration of Eurasianism and its role in development of a complete worldview paradigm can lead to undesirable consequences as it happened to Eurocentric and Oriental centric paradigms.

In the conditions of globalization the preserving of cultural originality is the most important task for any culture. Therefore the cultural policy of modern Kazakhstan is directed to preservation of unity and variety of cultural and religious traditions in the conditions of ideology of pluralism. The modern world cannot be monoethnic, monocultural and mono-religious. Diversity of worlds, cultures and traditions is the real condition of the modern world. But the voice of any culture should be heard in this diversity. Eurasianism as dialogical co-existence of cultures and religions might be the dialogue strategy of peoples and cultures of Eurasia and from the period of independent Eurasian countries and started the new comprehending of given phenomenon, value meaning of which was reconstructed in the doctrine of Eurasianism of Kazakhstan Republic's President N. Nazarbayev.

Eurasianism as an integration and cooperation in humanitarian dimension has a huge potential with presumption of cultural-spiritual sovereignty of Eurasian peoples. In this sense the comprehending of Eurasianism is quite effective and relevant, and Eurasian identity means the preserving of own self-consciousness of cultural traditions of Eurasian space, in which the traditions and modernity, religious pluralism, respect to other cultures and culture of tolerance harmoniously balanced.

In the cultural space of Eurasia there is a thousand-year experience of comfortable coexistence of Christianity, Islam, Buddhism, Judaism. Experience of dialogue, which is necessary be intensified in modernity, to apply it, proving its rational communicability and «communicative rationality» (Habermas, J., 200). The experience of dialogue which should in this case, it is quite right, that President of Kazakhstan says about the necessity of rational pragmatism directed to construing of relations in any sphere could bring benefit not without breaching the rights and interests of each of the parties.

Thus, Eurasianism and its importance in cultural space of Eurasia are preserved as dialogical strategy of cooperation which is relevant as a strategy of spiritual and cultural security.

References:

Burova E.E. Trendy novoj religioznosti v sovremennom Kazahstane (opyt sociogumanitarnogo izmerenija). Monografija/ E.E. Burova. – Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedenija KN MON RK, 2014. – 200 s.

Dugin A., 2000. Osnovy geopolitiki. M.: ARKTOGEJa-centr, - 928 s.

Habermas Ju., 2000. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie. - SPb.: Nauka. - 380 s.

Şener Aktürk, (2015) The Fourth Style of Politics: Eurasianism as a Pro-Russian Rethinking of Turkey's Geopolitical Identity, Turkish Studies, 16:1, 54-79, DOI:10.1080/14683849.2015.1021246

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ НА ПРОВИНЦИАЛЬНОМ РЫНКЕ ТРУДА В ОБЛАСТИ ПОДГОТОВКИ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ

Савин Валерий Александрович

Правительство Пензенской области, г.Пенза

INSTITUTIONAL TRAPS ON THE PROVINCIAL LABOR MARKET IN THE SPHERE OF TRAINING OF INDUSTRIAL WORKERS

Savin Valery Aleksandrovich

Penza Region Government, Penza

Аннотация

В состав Российской Федерации входит множество регионов, прошедших первичную индустриализацию и большинство из них провинциальные. В таких регионах формируются институциональные ловушки, наиболее явной из них является конфликт между институтом семьи и институтом промышленного предприятия. Семья, основываясь на неформальных традиционных практиках, рекомендует совершенно другие профессии, чем те, которые востребованы государством, в результате чего возникают амбивалентные образы одних и тех же профессий.

Ключевые слова: семья, государство, провинциальность, профессия, рынок труда.

Annotation

The Russian Federation includes many regions that were initially industrialized and the majority of them are provincial. Institutional traps are being formed in such regions, the most obvious of these is the conflict between the family institution and the institution of an industrial enterprise. The family, following informal traditional practices, recommends the jobs that are completely different from those needed by the state, thus the ambivalent images of the same trades are created.

Keywords: family, state, provincialism, profession, labor market.

Среди различных классификаций российских регионов существует такая, которая выделяет старопромышленные регионы и регионы, прошедшие первичную индустриализацию. К таким регионам можно отнести: республику Мордовия, Пензенскую и Саратовскую области и некоторые другие. Важной характеристикой отмеченных регионов является то, что их можно назвать провинциальными. Провинциальность - это мера исторического развития региона, отражающая уровень его общего развития относительно

других. Подструктура провинциальность объединяет два основных компонента — пространство (наиболее выражено в психологическом ядре региона) и время (выражено в значимом для людей историческом прошлом, а также в динамике современной региональной жизни).

В таких регионах формируются институциональные ловушки, которые основаны на конфликте социальных институтов, ценностей модернизации и архаизации. В результате этого складывается дисфункция между социальными институтами. Наиболее явной институциональной ловушкой является конфликт между институтом семьи и институтом промышленного предприятия. Согласно социологическим исследованиям, проведенным в республике Мордовия, Пензенской и Саратовской областях, начиная с 2014 года среди рабочих промышленных предприятий, школьников, учащихся колледжей и высших учебных заведений, основной ценностью провинциального социума становится семья.

Но семейные ценности являются сами по себе архаичными, тормозящими техническую и социальную модернизации, которые влияют на подготовку рабочих промышленных предприятий региона. Призрачные представления, полученные в семье о ценности высшего образования и о непрестижности физического труда на заводах и фабриках, вступают в конфликт с потребностью рынка труда и представлениями о престижности тех или иных профессий.

В провинциальных семьях сохраняются более тесные контакты и коммуникативные связи между членами. Таким образом, институт семьи в провинции крепче, чем в мегаполисе, но это не всегда положительно влияет на поведение молодых людей и их родителей на рынке труда.

Временная специфика основных институтов приводит к тому, что в провинции складывается специфический рынок труда, формируются специфические социально-трудовые отношения [1, 2, 3]. Рынок труда в провинциальных городах Российской Федерации характеризуется как формализованными, так и специфическими неформализованными практиками. Неформальные и формализованные практики сталкиваются между собой, порождая институциональные ловушки, которые тормозят развитие экономической, политической и социальной системы среднего российского региона [3].

На основании этого формируется конфликт института семьи и государства. Семья, основываясь на неформальных традиционных практиках, рекомендует совершенно другие профессии, чем те, которые востребованы государством. Складывается двойное представление о профессии, не важно, рекомендуемой семьей, или государством: одно представление транслирует семья, другое государство. Таким образом, возникают амбивалентные образы одних и тех же профессий. Так профессия государственного и муниципального служащего является реально сложной, некреативной, рутинной [4]. Однако, наиболее популярными профессиями среди опрошенных выпускников г. Пензы, Саратова, Саранска оказались: госслужащий (13,4%),

программист (12,5%), медицинский работник (11,7%). Большинство из опрошенных, выбравших профессию программиста (68,7%) нацелены на отъезд в мегаполисы или за границу. Третье место по популярности занял медицинский работник. Это связано, по мнению авторов, с программой помощи начинающим врачам в данных регионах, с востребованностью профессии медика в нашей стране и с наличием возможности получения дополнительного заработка в частных учреждениях здравоохранения и вознаграждения от пациентов. Этот факт серьезным образом усложняет рынок медицинских услуг в провинциальных городах Российской Федерации. Происходит отток из государственных медицинских учреждений в частный сектор. В частных медицинских клиниках усиливается конкуренция за пациентов. В государственном секторе растет нагрузка на врачей и средний медицинский персонал, падает качество медицинского обслуживания, и это влечет за собой недовольство пациентов.

Таким образом, рынок труда крупных провинциальных городов Российской Федерации отличается: сложностью, противоречивой динамикой, наличием параллельных формальных и неформальных правил регулирования, конфликтом института семьи и рынка труда.

Список литературы:

1. Кармадонов О.А. Трансформация и адаптация: стратегии выживания в кризисном социуме. – Иркутск: Иркутский университет, 2009. -175 с.
2. Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. – М.: Наука, 2004. -256 с.
3. Прохоров А.П. Русская модель управления. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2002. -376 с.
4. Yurasov I., Alehin E., Popova N. Transformation of the Russian working class as the globalization process // Life Science Journal. – 2014. - N 11 (11). - P.124-126. (Scopus). [Электронный ресурс]. <http://elibrary.ru/item.asp?id=23958254>.

References:

1. Karmadonov O.A. Transformation and adaptation: survival strategies of the society in crisis. Irkutsk, Irkutskiy Universitet, 2009, 175p
2. Kirdina S.G. X- and Y-economies: institutional analysis. Moscow, Nauka Publ., 2004, 256 p
3. Prokhorov A.P. Russian model of management. Moscow, ZAO Zhurnal Expert, 2002, 376 p
4. Yurasov I., Alekhin E., Popova N. Transformation of the Russian working class as the globalization process // Life Science Journal. – 2014. – no. 11 (11). - pp.124-126. (Scopus). Available at <http://elibrary.ru/item.asp?id=23958254>.

АРХАИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В РОССИЙСКОМ РАБОЧЕМ КЛАССЕ

Савин Валерий Александрович
Правительство Пензенской области, г.Пенза

ARCHAIC TENDENCIES IN THE RUSSIAN WORKING CLASS

Savin Valery Aleksandrovich
Penza Region Government, Penza

Аннотация

Начиная с конца 90-х годов XX века в российском обществе наблюдается заимствование западных модернизационных моделей, которые связаны с масштабными рыночными, социальными и политическими реформами. Но модернизационные процессы не захватили базовых структур традиционного общества, которые непосредственно участвуют в техническом и технологическом развитии, в результате чего формируются институциональные ловушки. Одновременно с этим воссоздается структура архаического общества, большую часть которого составляет рабочий класс.

Annotation

Since the end of the 1990-s in Russian society there has been a tendency to borrow Western models which are associated with global market-oriented, social and political reforms. But the processes of modernization do not affect basic structures of traditional society, which are directly involved in the technical and technological development, the institutional traps being formed as a result. At the same time, the structure of an archaic society is being reconstructed, and the working class makes the largest part of this society.

Ключевые слова: общество, архаизация, модернизация, рабочий класс, рынок труда.

Key words: society, archaism, modernization, working class, labor market.

За последнее четверть века, в связи с рыночной трансформацией российского общества, и масштабными социальными, политическими реформами наметились некоторые тенденции, которые позволяют говорить об одновременных модернизационных и архаических процессах в российском социуме. Усваивая западные модернизационные модели, начиная с 90-х годов XX века, российское общественное пространство во многом остается традиционным и даже архаичным. Западные модернизационные модели не захватили базовых структур традиционного общества, которые остались настолько сильными, что блокируют развитие модернизационных тенденций. Ситуацию, которая складывается в провинциальных старопромышленных регионах и регионах, прошедших первичную индустриализацию, к ко-

торым относится Пензенская область, можно характеризовать как многоукладную по типам общественных отношений. В таких регионах одновременно присутствуют традиционные, индустриальные и постиндустриальные общественные отношения, формируются институциональные ловушки, в которых структуры традиционного общества участвуют в техническом и технологическом развитии, воссоздавая одновременно структуры архаического общества [1, 2].

В отличие от архаики, традиции представляют собой устойчивые социальные и культурные структуры, которые обеспечивают преемственность социальной жизни и задают одновременно рамки и модели формирования социальной деятельности. Традиции – многообразны и структурированы.

Архаика же – не структурирована, неустойчива, неформальна, иррациональна, не выполняет функций регулирования социального поведения. Она оседает на уровне подсознания, транслируется культурным подтекстом, возникает в местах разрушения старого социокультурного организма и традиции. Архаические черты причудливым образом трансформируют модернизационные процессы, социальную реальность, которая становится местом формирования квазимодернизационных явлений и феноменов, извращая сам смысл технической модернизации [1, 2].

Такие архаические процессы происходят в российском рабочем классе, начиная с конца 90-х годов XX века. Тяжелые рыночные реформы, отсутствие промышленной политики в рамках страны, привели к существенному сокращению промышленных предприятий, к вымыванию российского рабочего класса в другие отрасли экономики, к общему сокращению числа промышленного пролетариата.

Но, тем не менее, формируется особая социальная группа, сочетающая в себе признаки одновременного класса и социального сословия, которую можно назвать «новыми рабочими». Эта группа характеризуется неформальной занятостью в области «гаражной экономики», состоит из небольших мобильных бригад, формируется на основе семейно-родственных, дружеских связей и занята обслуживанием российской элиты. «Новые рабочие» заняты в секторах, в развитии которых напрямую заинтересована современная российская элита, а именно строительство жилых зданий малоэтажного строительства, ремонт жилых помещений, ландшафтный дизайн, ремонт и обслуживание автотранспорта, кулинария, кондитерское производство, обслуживание зданий и сооружений, фитнес, физическая культура, парикмахерские услуги [3].

Новые рабочие – это практически промышленный персонал, занятый в сфере обслуживания и строительства. Средний возраст – 31-40 лет, из них 80% - мужчины. Это можно объяснить тем, что для вхождения в эту страту требуется достаточная квалификация и опыт работы.

76% от общего числа респондентов неформально самозаняты в качестве рабочих. 24% от числа опрошенных рабочих занимаются незарегистрированной предпринимательской деятельностью в качестве посредников при

проведении строительных, отделочных работ. Это совершенно новый социально-экономический тип сотрудника на российском рынке труда – тип рантье, посредника, обладающего обширными связями в бизнес среде и бюрократической и политической элите региона. В настоящее время это может считаться наивысшей карьерной ступенью, которую способен достичь новый рабочий.

Данные по уровню дохода, получаемому по основному месту работы на члена семьи, разнятся от 10 тысяч до 31 тысячи рублей и выше. Подавляющее большинство работников зарабатывают выше среднего по региону. 61,5% зарабатывают на члена семьи больше, чем средняя заработная плата по региону.

Уровень образования данной категории: 68% - высшее, 32% - средне специальное. Люди с высшим образованием, как правило техническим, не находят применения своим силам и компетенциям в условиях реально существующего российского рынка труда. Но полученное образование развивает в них те социально-психологические качества, которые не позволяют им находиться на низшей социальной ступени, развивает профессиональную мобильность, мотивированность на достижение результата.

Из-за трансформационных процессов, произошедших в Российской Федерации, эта социальная группа получает все больше признаков, которые были характерны для средневековых западноевропейских ремесленных цехов, для мещанского сословия дореволюционной России.

Таким образом, техническая модернизация, не учитывающая процессов социальной модернизации привела к формированию архаической социальной группы в российском социуме, которая имеет минимальные формализованные связи с рынком труда, неформальную занятость, неформальные структуры подготовки и повышения квалификации, неформальные финансовые отношения с другими социальными группам. Такая социальная группа получает все больше признаков сословной структуры, что является дополнительным показателем архаизации российской социальной системы.

Список литературы:

1. Абдрахманов Д.М., Буранчин А.М., Демичев И.В. Архаизация российских регионов как социальная проблема. – Уфа: Мир печати, 2016. - 405с.

2. Костюк К.Н. Архаика и модернизм в российской культуре // Социологический журнал. – 1999. - N 3-4. - С. 5-19. [Электронный ресурс]. <http://www.nir.ru/sj/sj/sj3-4-99kost.html>.

3. Юрасов И. А. Алехин Э. В. Население Пензенской области как фактор инновационного развития // Теория и практика общественного развития. - 2016. - N2. - С. 3-7. [Электронный ресурс]. http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnal/2016/2/sociology/yurasov-alekhin.pdf

Referencies:

1. Abdrakhmanov D.M., Buranchin A.M., Demichev I.V. Archaization of Russian regions as a social problem. Ufa, Mir pechati Publ., 2016, 405p
2. Kostyuk K.N. Antiquity and modernism in Russian culture. Sociological Journal, 1999, no.3-4, pp 5-19 Available at <http://www.nir.ru/sj/sj/sj3-4-99kost.html>.
3. Yurasov I.A., Alekhin E.V. The population of Penza region as a factor of innovative development. Theory and practice of social development. 2016, no.2, pp 3-7 Available at http://teoria-practica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2016/2/sociology/yurasov-alekhin.pdf

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВ

Степанюк Оксана Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент
Юридический институт НИУ «БелГУ», город Белгород

Ядуга Светлана Алексеевна
студентка 2 курса
Юридического института НИУ «БелГУ», город Белгород

Аннотация: Действующая в настоящий момент статья 105 Уголовного кодекса Российской Федерации создает некоторые проблемы, связанные с квалификацией отдельных видов убийств. В данной статье проводится их анализ, а также разрабатываются пути их решения.

Abstract: The acting article 105 of Criminal Code of Russian Federation has some problems which are connected with qualification of murder. In this article we are analyze them and give the ways of solution of this problems.

Ключевые слова: убийство, проблемы уголовного законодательства, квалификация убийств, беспомощное состояние.

Keywords: murder, problems of acting criminal law, crime qualification, helpless condition.

При квалификации деяния лица как убийства зачастую возникают проблемы применения соответствующей статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и, в частности, отдельных квалифицирующих признаков, предусмотренных в ч.2 ст.105 УК РФ.

Так, на протяжении многих лет ведутся споры, связанные с таким квалифицирующим признаком убийства, как убийства лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии. Так, пунктом «в» ч. 2 статьи 105 УК РФ зафиксированы три относительно самостоятельных признака указанной разновидности убийства:

- убийство малолетнего;

- убийство, заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии;

- убийство, сопряженное с похищением человека.

В связи с квалификацией действий виновного по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ возникает вопрос – должна ли жертва осознавать состояние своей беспомощности или это не обязательно для правильной квалификации. Мнения ученых разделились [1, С. 75]. Одни авторы полагают, что беспомощное состояние представляет собой такое состояние лица, когда оно не может контролировать и осознавать свои действия, а, следовательно, и оказывать сопротивление при непосредственном посягательстве на свои права. Беспомощное состояние выражается как в физической, так и в психологической беспомощности лица. Так, в случаях, когда речь идет о малолетних присутствуют оба варианта выражения состояния беспомощности. Согласно действующему Постановлению Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» под беспомощным состоянием понимают такое состояние лица, при котором оно «неспособно в силу физического или психического состояния защитить себя, оказать активное сопротивление виновному, когда последний, совершая убийство, сознает это обстоятельство. К иным лицам, находящимся в беспомощном состоянии, могут быть отнесены, в частности, тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее» [3, п. 7]. Таким образом, в данном перечне не указывается как на состояние беспомощности состояние сна потерпевшего. На наш взгляд, это несправедливо и порождает разночтения этого признака на практике.

В данном случае, считаем возможным говорить о том, что, при квалификации убийства лица заведомо для виновного, находящегося в беспомощном состоянии, под беспомощным состоянием также следует понимать и состояние сна, поскольку:

во-первых, несмотря на то, что состояние сна является естественным биологическим состоянием лиц, лицо в период нахождения сна не осознает происходящее, а также не может оказывать должное сопротивление при посягательстве на свою жизнь, что позволяет относить данное состояние к состоянию беспомощности;

во-вторых, исходя из анализа правоприменительной практики по делам против половой неприкосновенности и половой свободы, под состоянием беспомощности в данной группе преступлений состояние сна признавалось состоянием беспомощности. Следовательно, исходя из этого, под состоянием беспомощности при совершении убийства, также следует понимать состояние сна, поскольку в данном случае лицо неспособно защитить себя в силу физического и психологического состояния, связанного с пребыванием «во сне».

Хотелось бы отметить, что до сих пор также не разрешена проблема с квалификацией деяния по п. м ч.2 статьи 105 УК РФ. Так, еще в 2003 году,

убийство в целях использования органов и тканей потерпевшего называли новеллой российского уголовного права [5, С. 65]. На данный момент времени указанное деяние является преступным уже в течение 14 лет, и, тем не менее, в правоприменительной практике остаются определенные проблемы, связанные с квалификацией данного преступления. Данный шаг законодателя является закономерным и необходимым, поскольку с течением времени и развитием медицины пересадка органов и тканей стала неотъемлемой частью современной жизни, в связи с этим появилась необходимость наличия донора, что, в свою очередь, и вызвало возникновение данного преступления – убийство в целях использования органов и тканей потерпевшего. Так, Смирнов В.А. обуславливает возникновение данного квалифицирующего признака убийства, во-первых, с его особой общественной опасностью, а во-вторых, опасностью самого лица, его совершившего.

Первой проблемой применения данного пункта статьи 105 УК РФ является ее толкование, поскольку законодатель не указал возможный характер использования органов и тканей потерпевшего. Какие-либо разъяснения по этому вопросу отсутствуют и в ранее упоминавшемся постановлении Пленума Верховного Суда РФ. В связи с этим в учебной и научной литературе традиционно говорится о вариантах их возможного использования: в трансплантологии, в науке, для коллекционирования, для утоления голода, в сакрально-мистических целях и т. п. [4, С. 103]. Таким образом, в данный период времени не урегулирован вопрос, связанный с пониманием цели изъятия органов или тканей у потерпевшего.

Например, сакрально-мистические цели убийства, связанные с изъятием органов или тканей потерпевшего, представляют собой использование определенных органов или тканей для проведения ритуальных и иных культовых обрядов. Так, Д. Д. Фрезер указывал, что некоторые горные племена юго-восточной Африки, убив врага, отличавшегося храбростью, вырезали и съедали его печень (местопребывание мужества), уши (вместилище ума), кожу со лба (вместилище стойкости), тестикулы (вместилище силы) и другие части носители иных добродетелей [2, С. 13].

Данные сакрально-мистические цели имели место быть и в России в разные эпохи времени, исходя из этого законодатель, накопив опыт в данной области, констатировал факт того, что убийства с целью использования органов или тканей потерпевшего являются распространенными и по сей день, произвел криминализацию данного деяния.

На практике встречаются случаи, совершения убийства с целью использования органов и тканей потерпевшего для «утоления голода», в данных случаях ряд авторов предлагает квалифицировать данное деяние по совокупности преступлений п. «м» ч. 2 статьи 105, и соответствующей части статьи 244 Уголовного кодекса. Считаем данную квалификацию неверной поскольку: во-первых, согласно части 2 статьи 6 УК РФ никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление [6].

В случае вышеизложенной квалификации деяния, названный принцип нарушается, так как лицо подлежит уголовной ответственности дважды за одно и то же деяние, поскольку п. «м» ч. 2 статьи 105 охватывается данное преступное деяние, следовательно, оно (деяние) не подлежит квалификации по совокупности преступлений;

во-вторых, виновный, совершая это преступление, не стремится посягнуть на общественную нравственность, выступающую объектом преступления, предусмотренного ст. 244 УК РФ [5, С. 66]. В данном случае следует согласиться с А.В.Смирновым, поскольку при отсутствии одного из признаков состава преступления отсутствует само преступление, что в данном случае еще раз подчеркивает то, что квалификация указанного деяния по совокупности преступлений является неправильной.

Таким образом, при наличии вышеуказанных противоречий, связанных с применением п.п. «в» и «м» ч. 2 статьи 105 УК РФ, считаем возможным говорить о необходимости решения данного вопроса на уровне разъяснения Постановления Пленума Верховного суда РФ

Список литературы:

1. Абубакиров Ф.М., Джафаров А.Г. Убийство малолетнего или иного лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии, а равно сопряженное с похищением // Инновационная наука. – 2016. - №8-3. – С. 75-77
2. Антонян Ю. М. Отрицание цивилизации: каннибализм, инцест, детоубийство, тоталитаризм. - М.: Логос. - 2003. 256 с.
3. Постановление Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве» от 27.01.1999 №1 (ред. от 03.03.2015) // БВС РФ. – 1999.
4. Смирнов В.А. Убийство в целях использования органов и (или) тканей потерпевшего: историко-правовое исследование // Сибирский юридический вестник. – 2011. - №1. – С. 103-110
5. Смирнов В.А. Убийство в целях использования органов и тканей потерпевшего (п. «м» с. 2 ст. 105 УК РФ) // Сибирский юридический вестник – 2003. - №3. – С. 65-67
6. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: [принят государственной думой 24.05.1996] [в ред. от 07.03.2017 №33-ФЗ] // Российская газета. – 18.06.1996 – №114. - Режим доступа: [Консультант плюс]

ФИЛОЛОГИЯ

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ СИТУАЦИИ С УЧАСТИЕМ СОЧЕТАНИЙ С ФУНКЦИОНАЛЬНЫМ ГЛАГОЛОМ SETZEN В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Рисаева Оксана Маратовна

*Самаркандский государственный институт иностранных языков,
старший научный сотрудник кафедры немецкого языка и литературы*

Ключевые слова: акциональная, акционсартная и аспектная семантика; каузатив, инхоатив, ингрессив, финитивность, терминативность, процессность.

Key words: actional, actionsart and aspectual semantic; causative, inchoative, ingressive, finitivity, terminativity, processivity.

Статья посвящена выявлению аспектуальных (акциональных, акционсартных и аспектных) значений сочетаний с функциональным глаголом *setzen*. Выявляются различные типы аспектуальных ситуаций, ядерными компонентами которых выступают сочетания с функциональными глаголами *setzen* и *sich setzen*.

The article is devoted to the identification of the aspectual (actional, actionsart, aspectual) meanings of combinations with functional verb *setzen* in the modern German language. Are revealed different types of aspectual situations, kernel components of which are the combinations with functional verbs *setzen* and *sich setzen*.

В задачи статьи входит определение аспектуальной (акциональной, акционсартной и аспектной) семантики сочетаний с функциональным глаголом *setzen* (СФГ) и выявление типов аспектуальных ситуаций, в выражении которых участвует данное СФГ. В литературе обращается внимание на следующие признаки глагола *setzen* в составе СФГ. В акциональном плане он характеризуется как глагол предельный (*telisch*), в акционсартном плане – как ингрессивный и каузативный [9, с. 423]. В. Шмидт, Г. Хелбиг/ И. Буша и Х. Винхарт относят *setzen* также к каузативным глаголам [15, с. 43; 10, с. 91; 17, с. 74]. Однако, при этом В. Шмидт приравнивает каузатив к инхоативу. При выявлении указанных признаков учитывают, как правило, модель СФГ *in ... setzen* (*in Kenntnis*, *Gang*, *Brand setzen*).

В структурном плане различают предложные и беспредложные сочетания с ФГ *setzen*, ср.: *in Umlauf setzen*; *unter Druck setzen*; *aüßer Kraft setzen*, *ein Ende setzen*. Наиболее распространённой является модель *in ... setzen*. С акциональной точки зрения каузативный глагол *setzen* определяется нами в рамках рассматриваемой синтагмы как глагол предельный. В качестве признака «предел» выступает обозначаемое именным компонентом (ИК) состо-

яние, в которое вступает объект под воздействием действия агенса. С акционсартной точки зрения посредством СФГ выражается значение начала перехода в другое состояние. Это ингрессивное значение сопрягается с каузативным признаком, ибо возникновение нового состояния осуществляется под чужим воздействием. Аспектное содержание, предполагающее терминативность (достигнутость начального предела) или процессность (недостигнутость начального предела) выявляется в рамках высказывания, с учётом всех аспектно-релевантных составляющих аспектуальной ситуации (АС).

Рассмотрим АС с участием модели *in ... setzen*. В позиции именного компонента (ИК) выступают существительные, выражающие различные психические (*Angst, Verlegenheit*) и физические (*Brand, Flammen*) состояния, отношения (*Beziehung, Verbindung*), действия, деятельность (*Tätigkeit*), движение (*Bewegung, Umlauf*). Все эти имена существительные процессуальной семантики в обобщённом плане характеризуются как выражающие состояние пациенса (объекта). В позиции объекта могут выступать, как наименования одушевлённых лиц, так и неодушевлённых предметов. Ср. пример, где агенс делает так, чтобы объект (*Zigarre*) оказался в состоянии горения: (1) *Er warf sich ächzend in einen Sessel, biß eine neue Zigarre ab, daß seine Zähne klappten, und setzte sie in Brand.* [12, с. 329]. Здесь мы наблюдаем ингрессивное акционсартное значение в терминативном аспекте.

В высказываниях с участием модели СФГ *in ... setzen* могут, выражаться ситуации, где агенс приводит неодушевлённый объект не в какое-то состояние, а в действие. Ср.: (2) *... denn es wird ja noch geklärt werden, warum eine so kluge und fast kühle Person wie die Blum den Mord nicht nur plante, auch ausführte und im entscheidenden, von ihr herbeigeführten Augenblick nicht nur zur Pistole griff, sondern diese auch in Tätigkeit setzte.* [3, с. 17]. В таких случаях выражается не акционсартное значение ингрессивности, а аспектное значение терминативности.

Несмотря на то, что модель *in ... setzen* в аспектном плане характеризуется как связанная с терминативным значением, т.е. с признаком достигнутости предела, в высказываниях с участием этого СФГ могут выражаться аспектуальные ситуации процессности (недостигнутости предела). Так, в следующем примере, на фоне параллельных процессных действий, выраженных формой претерита, передаётся ситуация многократного (итеративного) действия, воспринимаемая как процессуальная. Ср.: (3) *Ich blieb fast eine halbe Stunde noch dort, trank Schnaps und setzte die Kurbel in Bewegung, lauschte dem wilden Schleifen der Scheiben und dem spröden Knakken, ...* [4, с. 89]. В презентных высказываниях могут выражаться ситуации, в которых состояния или отношения представляются, как связанные с признаками обычности, постоянства и вневременности: (4) *Und ich frage mich, ob sich im Gehirn manchmal kleine Portale öffnen, die ähnliche Gefühle miteinander verbinden – die eine Welt mit der anderen in Beziehung setzen.* [6, с. 33].

В качестве беспредложного сочетания с функциональным глаголом *setzen* выступает сочетание с абстрактным отглагольным именем существительным *Ende*: *ein Ende setzen*. В высказываниях с этим СФГ выражается финитивное значение, представленное в терминативном аспекте, т.е. значение прекращения какого-то процесса, выраженного именем существительным в винительном падеже, отображается как достигшее своей терминальной точки. Обычно это СФГ специализируется на выражении прекращения негативных, нежелательных событий или прекращение какого-то события, воспринимается со стороны субъекта негативно. Ср.: (5) *Nur eine erneute Zwangsumsiedlung konnte diesem Nationalitätenkonflikt ein Ende setzen*. [13, с. 121]; (6) *In seinem wunderbaren Buch *Leben auf dem Mississippi* erzählt er, unter welchen Mühen er es schaffte, Lotse auf den Raddampfern zu werden, bis der Bürgerkrieg den Schiffsverkehr zum Erliegen brachte und dieser Karriere ein Ende setzte*. [7, с. 54]. (7) *Mit Beginn des 16. Jh. war das Schicksal Zentralasiens nicht mehr von den Fähigkeiten eines einzigen Herrschers abhängig, sondern die von den Usbeken gegründeten Khanate Buchara, Chiwa und Kokand kämpften bald vereint, bald gegeneinander um die Vorherrschaft in Turkestan, bis die Russen durch ihr Eingreifen Mitte des 18. Jh. allen Expansionsbestrebungen ein Ende setzten*. [13, с. 60].

В СФГ с *setzen* не всегда выражается значение каузации. Например, в беспредложной модели, где *setzen* сочетается с именем существительным в винительном падеже, выражается просто терминативное действие: (7) *Man setzte zuerst große Hoffnungen auf mich, aber ich scheine sie leider nicht zu erfüllen*. [11, с. 390].

Сочетания отглагольных существительных процессуальной семантики с рефлексивным глаголом *sich setzen* также рассматриваются в качестве СФГ. В грамматике Хелбига/Буша приводится лишь одно СФГ с возвратным глаголом *sich setzen*: *sich zur Wehr setzen* (*sich wehren*) [10, с. 91]. В нашей картотеке зафиксированы также сочетания *sich in Bewegung*, *sich in Verbindung* и *sich zur Ruhe setzen*. В позиции ИК выступают имена существительные, которые обозначают действие (*Wehr*), движение (*Bewegung*), отношение (*Verbindung*) и состояние (*Ruhe*). В позиции субъекта могут выступать как наименования неодушевлённых предметов, так и одушевлённого субъекта (агенса). Различаются структуры, в которых ИК присоединяется к ФГ посредством предлогов *in* и *zu*.

В обобщённом виде значение СФГ модели *sich in (zur) ... setzen*, можно трактовать как «приходить в состояние, на характер которого указывает существительное». Здесь термин «состояние» охватывает как действия (движения), так и состояния. Если при СФГ *in (zu) ... setzen* действия агенса направлены на объект (пациенс), то модель *sich in (zu) ... setzen* предполагает действие, ориентированное исключительно на самого агенса. В акциональном плане *sich setzen* является глаголом предельным. Что касается ас-

пектного плана, то в высказываниях с участием этого СФГ могут выражаться как АС терминативности, так и АС процессности в сопряжённости с некоторыми акционсартными признаками.

Рассмотрим типы АС с участием *sich in (zur) ... setzen*. Для большей наглядности проанализируем высказывания, в которых ФГ *sich setzen* сочетается посредством предлога *in* с одним и тем же ИК, выражающим значение «движение». Ср.: (8) *Die Bremsen waren plötzlich angezogen worden, der Zug **hatte sich kaum in Bewegung gesetzt gehabt***. [11, с. 11]. В этом высказывании СФГ связано с выражением однозначно терминативного действия, т.е. здесь выражается значение вступления субъекта в состояние движения. Признак неожиданного начала движения субъекта выражается в (9 и 10): (9) *Und plötzlich **setzte sich** die ganze ungeheure Menge **in Bewegung**, und eine Wolke von Geschrei und Lärm zog über ihr her*. [12, с. 238]; (10) *Theo Timpes Eifersucht rastete ein, in seinem Kopf **setzten sich** blindwütige Verdächtigungen **in Bewegung***. [16, с. 225].

В рассматриваемых высказываниях выражается не только момент вступления субъекта в новое состояние, но одновременно с ним и само состояние (движение), которое может быть как имплицитным, так и эксплицитным. Ср. пример, где начавшееся движение субъекта предполагает и его течение: (11) *Der Reporter sah noch mit ersterbenden Augen, wie **sich** der Zug wieder **in Bewegung setzte** und sich ohne Anzeichen, von Teilnahme für den Angeschmiedeten im Unsichtbaren verlor*. [2, с. 141]. В данном высказывании перед глазами названного в предложении наблюдателя (Der Reporter) происходит не только начало перехода субъекта (der Zug) в состояние движения, но имплицитно и само движение после его начала. Здесь мы наблюдаем признак инхоативной (ингрессивной) терминативности, связанный с признаком перцептивности и процессности.

Наиболее чётко признак процессности перехода субъекта в состояние движения эксплицитно выражается посредством темпорального конкретизатора типа *langsam*. Дальнейшее движение субъекта может быть имплицитно выражено с помощью контекста. Ср.: (12) ***Langsam setzt sich** die Trauergesellschaft **in Bewegung**, denn sie begibt sich auf das letzte Geleite*. [2, с. 163]. Здесь мы наблюдаем совокупность значений начала и процессности. Ср. Ещё один пример: (13) *Dann kommt einer von der Wache mit faulen Schritten heran und zählt die Leute dreimal ab, händigt dem Gruppenleiter einen Zettel aus, winkt, der Schlagbaum wird gehoben, die Greise mit ihrem Fahrzeug **setzen sich langsam in Bewegung**, dann wird der Schlagbaum wieder gesenkt*. [2, с. 97].

На процесс движения могут опосредованным образом указывать и слова, выражающие понятия, связанные с процессом движения: (14) *Er **setzte sich hochmütig tutend in Bewegung***. [5, с. 44].

Посредством СФГ, в составе которого ФГ *sich setzen* сочетается с ИК с помощью предлога *zu*, может выражаться также значение перехода в новое

состояние. Ср. пример, в котором выражается переход субъекта в новое состояние, предполагающее прекращение его предыдущего, не названного в высказывании, состояния. Ср.: (15) *Schließlich **setzte er sich zur Ruhe** und zog in ein anderes Land.* [14, с. 186]. Значение «прекращение» связано с семантикой существительного *Ruhe*.

В высказываниях с СФГ *sich zur Wehr setzen* может выражаться как АС терминативности, так и АС процессности, при этом инхоативное значение не эксплицируется. Ср.: (16) *Unabhängig davon, ob sich eine Stadt kampflos den Mongolen unterworfen ... oder **sich** bis zum letzten Mann **zur Wehr gesetzt hatte** ..., wurden ihre Zitadellen und Häuser geplündert und die Einwohner niedergemetzelt.* [13, с. 52]. Здесь сочетание *bis zum letzten Mann* эксплицирует признак длительности протекания действия, выраженного посредством СФГ, что говорит о процессном изображении этого процесса. В следующем примере, благодаря форме презенса и наличия признака обычности (и вне-временности) выражается также АС процессности. Ср.: (17) *Es gibt wohl kaum eine Organisation, Kirchen und Ministerien eingeschlossen, die **sich** vehementer gegen das Sparen **zur Wehr setzt**.* [8, с. 1].

Проведённый анализ языкового материала показал, что у нас нет достаточных оснований характеризовать СФГ с *setzen* как связанное только лишь с признаками инхоативности (ингрессивности) и каузативности. В акционсартном плане в зависимости от семантики ИК и предлога может выражаться как ингрессивное, так и финитивное значение. В плане аспектной семантики может выражаться как АС терминативности, так и АС процессности в сопряжённости с акционсартными значениями инхоативности, ингрессивности, эгрессивности, финитивности, многократности (итеративности). Что касается каузативности, то мы не относим этот вполне самостоятельный семантический признак к числу аспектуальных признаков, на том основании, что «он ничего своего во временное членение процесса не вносит. В аспектуальном плане существенна предельность каузативных глаголов» [Ризаев 2013, с. 97].

Список литературы

1. Ризаев Б. Х. Функционально-семантическое поле лимитативности в современном немецком языке. Самарканд: СамГИИЯ, 2013. 159 с.
2. Adler. H.G. Eine Reise. Roman. Aufbau Taschenbuch Verlag, 2002. 359 S.
3. Böll H. Die verlorene Ehre der Katharina Blum. Kiepenheuer&Witsch, 1974. 189 S.
4. Böll H. Und sagte kein einziges Wort. Verlag „Hochschule“. Moskau, 1966. 383 S.
5. Böll H. Wo warst du, Adam? Verlag Philipp Reclam jun. Leipzig, 1967. 179 S.
6. Die Zeit. Magazin. 30.08.2012. №36. S. 33.
7. Die Zeit. November 2012. № 49. S. 54.

8. Die Zeit. 17. Januar 2013. № 4. S. 1.
9. Duden. Die Grammatik. 8, überarb. Auflage. B. 4. Mannheim, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2009. 1343 S.
10. Helbig G. und Buscha J. Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. 19 edn, Leipzig, Berlin, München: Langenscheidt, 1999. S. 91.
11. Kellermann B. Der Tor. Roman. Verlag Volk und Welt Berlin, 1976. 442 S.
12. Kellermann B. Der Tunnel. Roman. Verlag Volk und Welt Berlin, 1969. 456 S.
13. Pander K. Zentralasien. Dumont Kunst Reiseführer, 2005. 384 S.
14. Peltz J. Usbekist an entdecken. Trescher-Reihe Reisen, 2005. 284 S.
15. Schmidt V. Streckformen des deutschen Verbuns. Halle (Saale), 1968. 144 S.
16. Strittmatter E. Ole Bienkopp. Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1967. C. 225.
17. Winhart H. Funktionsverbgefüge im Deutschen. Zur Verbindung von Verben und Nominalisierungen. Philosophische Dissertation. Tübingen, 2005. 197 S.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УТОПИЯ И. ИЛЬИНА

Митина Наталья Георгиевна
*доктор философских наук, доцент,
Дальневосточный государственный институт искусств,
г. Владивосток*

UTOPIA OF I. ILYIN

Mitina Natalia Georgievna
*PhD in Philosophy, Associate professor.
Far Eastern State Institute of Arts, Vladivostok*

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена утопии И.Ильина «Русская идея». Методологическую основу исследования составляет феноменологическая концепция «жизненного мира». Утопия рассматривается в качестве явления социокультурной действительности, включающего в себя характерные черты той цивилизации, на базе которой она формируется. В статье обоснована мысль о том, что «Русская идея» выступает в качестве тематического ядра утопии И. Ильина. Проект строится на духовной основе и является метафизическим.

ABSTRACT

The article is devoted to the utopia of I. Ilyin «Russian idea». The methodological basis of the study is a phenomenological concept of «life-world». The utopia considered in the present paper as a phenomenon of sociocultural reality, including the characteristic features of the civilization on the basis of which it is formed. The article substantiates the idea that the "Russian idea" acts as a thematic kernel of a utopia I. Ilyin. The project is based on a spiritual basis and is metaphysical.

Ключевые слова: утопия; «Русская идея»; духовность; «жизненный мир»; христианская культура.

Keywords: *utopia*, «Russian idea», *spirituality*, «life-world», christian culture.

Утопия занимает важное место в русской философии как один из способов тематизации «жизненного мира», образный, эмоционально-чувственный и символический способ его означивания. Источником утопии является мир повседневности, т.е. дорефлексивный опыт мирозерцания, чувств, переживаний людей, реальность, интерпретируемая людьми. Специфические черты русской культуры (религиозность, эсхатологизм, мессианство, стремление к социальной справедливости, правдоискательство, общинность, соборность, вера в чудо, опора на сон как повествовательный прием и др.)

наложили отпечаток на особенности утопии и позволяют нам определить утопию как культурную форму, как продукт «жизненного мира» человека, в том числе русского «жизненного мира».

Важным аспектом русской утопии является ее религиозность и нравственная сущность. Данная черта отличает русскую философию от западной, имеющей рациональный характер. Эта черта коренится в особенностях русского самосознания, в приоритете духа над формой. Утопия, таким образом, выражает христианский идеал Царства Божьего, но как земного, создаваемого людьми без Бога, где реализуется ответственность человека за историю; вера в свою провиденциальную миссию: указать людям путь правильного жизнеустройства, спасти человечество. Для русской утопии – цель заключается в преобразовании общества в соответствии с законами социальной правды, заключающейся в единстве истины и справедливости. Выделенная специфика русской утопии позволяет определить концепцию И. Ильина как утопический проект. Проект будущей России И.А. Ильина вообрал в себя специфику русского «жизненного мира», философ формулирует его как «Русская идея» или «Творческая идея России».

Можно выделить несколько утопических проектов рассматриваемого периода, связанных единством «жизненного мира» с утопией И. Ильина. Это проекты Н. Бердяева, С. Франка и Дм. Мережковского. Н. Бердяев выстраивает свою концепцию в пределах религиозного осмысления вопросов пола. Смысловым ядром утопии является тематизация «жизненного мира» через телесность – андрогинный Эрос. Это попытка создания нового общества через духовное преобразование человека. Концепция всеединства, предложенная С. Франком, представляет собой утопический проект, направленный на гармоничное развитие человечества по пути к будущему всеединому Богочеловечеству. Системообразующим фактором «жизненного мира» в утопии философа является идея всеединства. «Мы-философия» становится космическим началом человеческого бытия, с помощью которого появляется возможность совершенствования мира. Утопия Дм. Мережковского так же значительное внимание уделяет духовному совершенствованию. Ядром тематизации «жизненного мира» в проекте выступает имперскость – Третье Царство, объединенное человечество. Главная цель утопии – достижение Царства Божьего [16, 17]. Таким образом, данные утопические проекты предполагают перестройку «жизненного мира» с помощью духовного преобразования, что связывает их с рассматриваемым проектом. Обратимся к концепции И. Ильина.

Для определения будущего России И.А. Ильин останавливается на характеристике российской цивилизации, особенностях ее исторического пути, выделяя причины этих особенностей: своеобразие дано свыше от Провидения, оно происходит от славянской крови и души, обусловлено спецификой исторического пути и православной верой [1, с. 399–405; 4; 6]. Дальнейшая судьба России, ее призвание, национальная идея, культура, прихо-

дит к заключению философ, определяются следующей целью: «создать *новую восточнохристианскую культуру, новую русско-национальную творческую идею и новое русско-национальное самосознание*» [1, с. 406–409]. На пути решения цели стоят две задачи: воспитание «творчески христианского характера и правосознания» и создание новой «христиански-иоанновской» светской культуры [1, с. 410].

Философ подчеркивает, что России необходима «ответственная идея», которая должна определить главное в русских, и формулирует ее следующим образом: «идея воспитания в русском народе национального духовного характера». В этом заключается творческая идея нашего будущего, заключает И.А. Ильин [3, с. 457–485]. Новая идея, способная создать новую будущую Россию, должна быть «**религиозная по истоку и национальная по духовному смыслу**». Она способна определить отбор новой русской элиты – новой русской национальной интеллигенции, которая должна будет укрепить авторитет государственной власти [14]. Люди «**высокой духовной силы**», как называет их И.А. Ильин, «**люди первого ранга**», требуются для подготовки будущей России, чтобы в будущем государство имело «**аристократическую**» (в духовном смысле) природу [11, с. 405–406]. Таким образом, в основе проекта будущей России лежит идея создания высокодуховной цивилизации на основе христианских ценностей и национальных традиций.

Концепция изложена в трудах «Путь духовного обновления» и в двухтомнике «Наши задачи»[2; 9; 10], написанных в эмиграции. В работе «О Русской идее» он формулирует основные положения своей утопии. Философ отмечает, что творческая идея может быть только национальной, так как выражает особенности национальной общности, отсюда и название «Русская идея». Исходя из специфики России, идея формулирует то, что «русскому народу уже присуще» и определяет «нашу историческую задачу и наш духовный путь»[12, с. 312].

И.А. Ильин неоднократно подчеркивает, что Россия идет своим особым путем и решает свои специфические задачи: необходимо «**выращивать вторичные силы русской культуры (волю, мысль, форму и организацию) из ее первичных сил (из сердца, из созерцания, из свободы и совести)**». Разделение их на первичные (определяют и ведут) и вторичные (исходят из первичных), по его мнению, необходимо для успешного достижения цели и определяет самобытность русской культуры [12, с. 318–319]. Свободная христианизация всей культуры посредством свободного созерцания сердцем – в этом и заключается творческая идея для философа [6, с. 617]. Обновление России, подчеркивает И.А. Ильин, произойдет духом сердечного созерцания и предметной свободы, заложенных христианством, «Русская идея» – это «**идея православного христианства**». Философ неоднократно подчеркивает, что «Русская идея» (творческая идея) не является выдумкой, это тенденция, заложенная в духовных истоках русской цивилизации, в структуре творческого акта [12, с. 321; 8, с. 2]. Следовательно, в

основе предлагаемого проекта «Русская идея» находятся специфические особенности России, базирующиеся на духовности.

Как уже отмечалось, И.А. Ильин строит свой проект будущей России на основе христианских ценностей и национальных традиций, он подчеркивает, что России необходимо покаяние и очищение, чтобы восстановить **«живую христианскую совесть»** [13, с. 397]. Он формулирует творческую идею России как **«свободную христианизацию всей культуры»**: **«русский народ должен воспитывать свой национальный характер на основе свободного созерцания сердцем и созерцания совестью»**. На этом духовном уровне реально начинается Божие царство и человек участвует в его создании, философ подчеркивает, что **«Святая Русь»** реальна, «эта святая народная энтелехия, реальнейшая в народном бытии, задающая ему смысл, руководящая им, влекущая, вдохновляющая» [8, с. 2]. Как отмечает Ю.Т. Лисица, эта идея реальна и является имманентной первоосновой русского бытия [15, с. 5]. Эта идея «Святой Руси» легла в основу проекта И.А. Ильина.

Он определяет **«Царство Божие»** как ткань особого измерения – **«живая божественная ткань, к которой человек должен прилепиться душой и телом», «целостный духовный мир»**. Объединенные в нем молитвой, словом и делом христиане, трудятся **«в духе Христа ради преобразования человека и природы»**. Это мировоззрение является основой русского православного воззрения, **«настоящей народной верой»**, проявляющейся во всех областях русской культуры, указывает философ [6, с. 464–465].

В концепции И.А. Ильина выделены два жизненных пути, два противоположных мирозерцания, в которых возможна реализация творческой идеи: **«мироотвержение и мировосприятие»**. Первый путь отрицает возможность для человека творчества и заключается в **«медленном самоумерщвлении»**, а второй – как раз и предполагает научиться **«жить на земле в лучах Царствия Божия»**, совершать **«творческое делание в этом мире»**. Вторым путем – **«приятать мир вследствие приятия Христа»**, построить на этом христианскую культуру, в этом заключается идея **«православного христианства»** [7, с. 500–510]. Однако Церковь в этом процессе не принимает непосредственного участия, поскольку **«земная культура творится не государством и не Церковью, а народом»**, подчеркивает философ. Церковь остается **«творческой хранилищем, живым и авторитетным источником того христианского духа, из которого народ только и может создавать христианскую культуру на земле»** [7, с. 510–517]. Духовная однородность приводит к национальному единению людей, что свидетельствует о том, что **«христианская культура осуществима на земле именно как национальная культура»**. Как указывает философ: **«Тот духовный акт, которым народ творит свою культуру, есть акт национальный...»** [7, с. 517–524]. Таким образом, культура является важным компонентом творческой идеи.

Философ подчеркивает, что культура является созданием души и духа, а христианскую культуру творит **«только христиански укрепленная душа»**, на основе **«молитвенного созерцания»**, поскольку дух христианства – это

дух «живого творческого содержания, а не формы» что исключает формализацию и механизацию культуры, а, следовательно, ее вырождение. Христианство вносит «дух христианской предметности» во всю культуру, подчеркивает философ, то есть в повседневность, русский жизненный мир. В свою очередь, творить культуру может только человек, раскрывший «глубину своего сердца для Христова Духа», и из него обратившийся «к созерцающему восприятию Бога и Божьего мира, ...к свободным и ответственным волевым деяниям в плане Божьего Дела на земле». Это позволит ввести христианский дух во все деяния человека и предоставит человеку творить «живую христианскую культуру», но для этого ему необходимо «принять Божий мир и зажечь им и в нем» [7, с. 493–500].

Важной составляющей христианской культуры является воля к совершенству [5], именно она отсутствует в современной культуре, что привело к ее формализации. Необходимо восстановить духовность и встать на путь созидания христианской культуры. Это не означает уничтожение и отрицание светской культуры христианской, указывает философ, светская культура должна духовно обновиться и тогда она придет к объективному совершенству [7, с. 524–526]. Следовательно, Россия должна вернуться на путь христианской культуры, восстановить духовные основы, что станет началом обновления России. В основе христианской культуры лежит творческая национальная идея, сформулированная И.А. Ильиным «Русская идея».

Таким образом, в рамках феноменологической концепции «жизненного мира» тематическим ядром социокультурного проекта И. Ильина выступает «Русская идея». Философ создает утопию, связанную единством «жизненного мира» с проектами русской классической утопии второй половины XIX – середины XX вв. Как и проекты Н. Бердяева, Дм. Мережковского, С. Франка, утопия И. Ильина строится на духовной основе и является метафизической, в ней отсутствует опора на «социальное тело» (проекты анархизма и марксизма в русской философии). Утопический проект охватывает различные аспекты бытия, философу удалось показать важность духовного и творческого начала в развитии русской цивилизации.

Список литературы:

1. Ильин И. А. О национальном призвании России (ответ на книгу Шубарта) // Собрание сочинений: В 10 т. /Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 373 – 450.
2. Ильин И. А. Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. 1216 с.
3. Ильин И. А. Творческая идея нашего будущего // Собрание сочинений: В 10 т. /Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. Т. 7. М.: Русская книга, 1998. С. 453 – 488.
4. Ильин И.А. Из книги «Сущность и особенность русской культуры» (1944). Душа // Пространство и Время. 2010. № 1. С. 198–205.

5. Ильин И.А. Из книги «Сущность и особенность русской культуры» (1944). Воля к совершенству // Пространство и Время. 2010. № 2. С. 222–226.
6. Ильин И.А. О русской культуре. Сущность и своеобразие русской культуры. Три размышления // Собрание сочинений: В 10 т. / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов.. 6. Кн. II. М.: Русская книга, 1998. С. 373 – 620.
7. Ильин И.А. Основы христианской культуры // Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 476 – 526.
8. Ильин И.А. Путь к очевидности // Путь духовного обновления / Сост., авт. предисл., отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2011. С. 282 – 476.
9. Ильин И.А. Творческая идея России // Собрание сочинений: В 10 т. / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы; Худож. Л. Ф. Шканов. Т. 6. Кн. II. М.: Русская книга, 1998. С. 613 – 620. [Электронный ресурс]. URL: <http://vikent.ru/enc/3480/> (дата обращения: 17.02.16). 4 с.
10. Профессор И.А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Том II. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956. 37 с.
11. Профессор И.А. Ильин. Надо готовить грядущую Россию // Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Том II. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956. С. 403 – 406.
12. Профессор И.А. Ильин. О Русской идее // Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Том I. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956. С. 312 – 321.
13. Профессор И.А. Ильин. О возрождении России // Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Том II. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956. С. 394 – 398.
14. Профессор И.А. Ильин. Основная задача грядущей России // Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг. Том I. Париж: Издание Русского Обще-Воинского Союза, 1956. С. 201– 210.
15. Лисица Ю.Т. Идеи идеалы русской культуры // Ильин И.А. Сущность и своеобразие русской культуры / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. Ю.Т. Лисицы. М.: Русская книга – XXI век, 2007. С. 3 – 12.
16. Митина Н.Г. Дискурс будущего в русской социокультурной утопии: Монография / Н.Г. Митина. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2014. 240 с.
17. Митина Н.Г. Дискурс будущего в русской социокультурной утопии [Электронный ресурс]: Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13 / Н.Г. Митина. М.: РГБ, 2014. 334 с.

References

1. Il'in I. A. O natsional'nom prizvanii Rossii (otvet na knigu Shubarta) [On the national calling Russia (Schubart response to the book)]. Sobraenie sochineniy:

V 10 t. Sost. i komment. Yu. T. Lisitsy; Khudozh. II. F. Shkanov. T. 7. M.: Russkaya kniga, 1998. PP. 373 – 450. (In Russian).

2. Il'in I. A. Put' dukhovnogo obnoveniya [The path of spiritual renewal]. Sost., avt. predisl., otv. red. O. A. Platonov. M.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2011. 1216 p. (In Russian).

3. Il'in I. A. Tvorcheskaya ideya nashego budushchego [The creative idea of our future]. Sobranie sochineniy: V 10 t. Sost. i komment. Yu. T. Lisitsy; Khudozh. II. F. Shkanov. T. 7. M.: Russkaya kniga, 1998. PP. 453 – 488. (In Russian).

4. Il'in I.A. Iz knigi «Sushchnost' i osobennost' russkoy kul'tury» (1944). [From the book "The essence and characteristic of Russian culture" (1944). Soul]. Prostranstvo i Vremya. 2010. № 1. PP. 198–205. (In Russian).

5. Il'in I.A. Iz knigi «Sushchnost' i osobennost' russkoy kul'tury» (1944). Volya k sovershenstvu [From the book "The essence and characteristic of Russian culture" (1944). The will to perfection]. Prostranstvo i Vremya. 2010. № 2. PP. 222–226. (In Russian).

6. Il'in I.A. O russkoy kul'ture. Sushchnost' i svoeobrazie russkoy kul'tury. Tri razmyshleniya [About Russian culture. The essence and originality of Russian culture. Three reflections]. Sobranie sochineniy: V 10 t. / Sost. i komment. Yu. T. Lisitsy; Khudozh. II. F. Shkanov.. 6. Kn. II. M.: Russkaya kniga, 1998. PP. 373 – 620. (In Russian).

7. Il'in I.A. Osnovy khristianskoy kul'tury [Fundamentals of Christian culture]. Put' dukhovnogo obnoveniya / Sost., avt. predisl., otv. red. O. A. Platonov. M.: Institut russkoy tsivilizatsii, 2011. PP. 476 – 526. (In Russian).

8. Il'in I.A. Tvorcheskaya ideya Rossii [Creative idea of Russia]. Sobranie sochineniy: V 10 t. /Sost. i komment. Yu. T. Lisitsy; Khudozh. II. F. Shkanov. T. 6. Kn. II. M.: Russkaya kniga, 1998. PP. 613 – 620. <http://vikent.ru/enc/3480/> (accessed: February 17, 2016). 4 p. (In Russian).

9. Professor I.A. Il'in. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg. [Our Mission. Articles 1948-1954 years]. Tom I. Parizh: Izdanie Russkogo Obshche-Voinskogo Soyuz, 1956. 346 p. (In Russian).

10. Professor I.A. Il'in. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg. . [Our Mission. Articles 1948-1954 years]. Tom II. Parizh: Izdanie Russkogo Obshche-Voinskogo Soyuz, 1956. 37 p. (In Russian).

11. Professor I.A. Il'in. Nado gotovit' gryadushchuyu Rossiyu [It is necessary to prepare the coming Russian]. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg. Tom II. Parizh: Izdanie Russkogo Obshche-Voinskogo Soyuz, 1956. PP. 403 – 406. (In Russian).

12. Professor I.A. Il'in. O Russkoy idee [About Russian idea]. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg. Tom I. Parizh: Izdanie Russkogo Obshche-Voinskogo Soyuz, 1956. PP. 312 – 321. (In Russian).

13. Professor I.A. Il'in. O vozrozhdenii Rossii [On the revival of Russia]. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg. Tom II. Parizh: Izdanie Russkogo Obshche-Voinskogo Soyuz, 1956. PP. 394 – 398. (In Russian).

14. Professor I.A. Il'in. Osnovnaya zadacha gryadushchey Rossii [The main task of the coming Russian]. Nashi zadachi. Stat'i 1948–1954 gg. Tom I. Parizh: Izdanie Russkogo Obshche-Voinskogo Soyuz, 1956. PP. 201–210. (In Russian).

15. Lisitsa Yu.T. Idei idealy russkoy kul'tury [Ideas ideals of Russian culture]. Il'in I.A. Sushch-nost' i svoeobrazie russkoy kul'tury. Sost., podgot. teksta, vstup. st., komment. Yu.T. Lisitsy. M.: Russkaya kniga – XXI vek, 2007. PP. 3 – 12. (In Russian).

16. Mitina N.G. Diskurs budushchego v russkoy sotsiokul'turnoy utopii [The discourse of the future in the Russian socio-cultural utopia]: Monografiya. Vladivostok: Izd-vo VGUES, 2014. 240 p. (In Russian).

17. Mitina N.G. Diskurs budushchego v russkoy sotsiokul'turnoy utopii [The discourse of the future in the Russian socio-cultural utopia]. [Elektronnyy resurs]: Dis. ... d-ra filol. nauk: 09.00.13 / N.G. Mitina. M.: RGB, 2014. 334 p. (In Russian).

КУЛЬТУРА И ДУХОВНОСТЬ В ПРОЦЕССЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Бокачев Иван Афанасьевич,

доктор философских наук, профессор кафедры философии Северо-Кавказского Федерального Университета, город Ставрополь

Лукинова Ирина Алексеевна,

кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии Северо-Кавказского Федерального Университета, город Ставрополь

Аннотация: человек как духовное существо в системе культуры

Ключевые слова: деятельности человека, личность есть духовно-религиозная категория, массовая культура

Анализ литературы показывает многообразие подходов к изучению культуры, которая существует как некоторая целостность, как своеобразное «поле культуры», она не подразделяется на какие-то отдельные отеки, но «...являет собой разные осмысления единого целостного ядра» [1,с.291]. Культура всегда существовала и существует сегодня «...как внутренний диалог, как работа человека над постоянной интерпретацией накопленного культурного богатства, как переосмысление всех ранее сложившихся смыслов. Без интерпретации нет освоения культуры, как содержание личностного сознания, деятельности, нет культуры как механизма воспроизводства» [2,с.58]. Вне всякого сомнения прав В.Н. Брюшинкин, который пишет: «...культура - термин крайне многозначный, и трудно претендовать на его точное определение» [3,с.30].

Нас в данном случае интересует не столько само понятие культуры, сколько место человека, как духовного существа, в системе культуры. При этом под системой в самом общем виде мы будем понимать такие элементы

культуры (нормы, ценности, знания, ориентации), которые и составляют определенную систему и которые входят в качестве таковой во взаимодействие с другими компонентами общественной регуляции, такими как экономика, политика и социальная структура. Важно при этом иметь в виду, что носителями культуры, в которых воспроизводятся и распространяются её элементы, являются не только социальные институты но и люди. В их внутреннем мире и поведении преломляются те обычаи, нормы и ценности, которые имеются в составе культуры, которые срабатывают или же не срабатывают, а порой могут подвергаться и различного рода трансформациям.

Наиболее рельефно это проявляется при анализе социологии культуры. С одной стороны, культура формирует тот или иной тип личности, а с другой - личность вносит в нормы, потребности и поведенческие образцы свои интересы и требования. Поэтому как нам представляется, без обращения к личностным факторам нельзя объяснить реального функционирования существующих культуре норм и ценностей (в отличие от их реального существования), а одновременно и тех отклонений от норм, которые неизбежно происходят в реальной жизни общества.

Многие мыслители и, в частности русские религиозные философы «серебряного века», проводя четкую грань между понятиями личности и индивида неоднократно указывали на значение личности, а точнее личностей, как фундамента любой культуры. П. А. Бердяев по этому поводу писал: «...признание безусловной ценности всякой человеческой личности как образа и подобия Божьего, недопустимость обращения с человеческой личностью, как со средством и орудием, лежит в основе христианства. Именно христианство учит, что человеческая душа - стоит дороже всех средств мира. Личность есть духовно-религиозная категория, и означает задачу, поставленную перед человеком. Личность есть совсем иное, чем индивидуум, который есть категория биологическая и социологическая, подчинённая часть рода и общества. Личность же не может быть частью чего - либо, не только общества, но и мира, она есть целое» [4, с.145-146]. Именно внимание к личности отдельного человека способствует восстановлению нравственных первооснов отечественной культуры и духовности.

Вместе с тем, характер взаимоотношений культуры и личности существенным образом зависит от конкретных социальных условий функционирования культуры и от положения человека в обществе. Общество как социальная целостность задает человеку посредством различных механизмов способ деятельности, тип ее организации и формы их воплощения в образах, учениях, суждениях, системе знаний. Общество осуществляет воспроизводство и совершенствует себя, только наследуя и творчески перерабатывая накопленные богатства культуры. Однако будет не только не корректно, но и не верно, если анализ сферы культуры мы ограничим лишь результатами деятельности человека. Дело в том, что в ходе совершенствования способов деятельности идет становление, функционирование и развитие человеческой личности.

Причем личность одновременно выступает, во-первых, объектом культурного воздействия, то есть усваивает культуру в процессе своей деятельности, во-вторых, субъектом культурного творчества, так как в той или иной форме включена в процесс созидания культуры; и в-третьих, личность является носителем и выразителем культурных ценностей, поскольку её жизнедеятельность развёртывается в определённой культурной среде.

Человек всегда был и остается субъектом и вместе с тем основным результатом своей собственной деятельности. Формы реализации существенных сил человечества, вырабатываемые людьми в их совместной деятельности, и были осознаны как «культура». «В этой категории, - как справедливо пишут З.М Оруджев и Т.В. Кузнецова, - было, следовательно, зафиксировано не какое-то особое явление, отличное от других общественных явлений, а некий новый взгляд на человека и общество, позволяющий выделить и определить специфически человеческое в его самой глубокой сути» [5,с.86]. Однако сугубо деятельностный подход в определенной мере ограничивает понимание сущности культуры отношением деятельность - продукт деятельности. Учет же социальных отношений как фактора развития культуры и человека значительно расширяет не только понимание сущности культуры, но и ее ценностных и воспитательных функций. Эти отношения представляют нам возможность каждый раз возвращаться к человеку и выяснять смысл его существования, отношения к природе, обществу, к другим людям.

Здесь следует учитывать и тот факт, что «экономическая, политическая, религиозная, моральная и другие виды деятельности становятся фактором культурного развития лишь в той мере, в какой она отвечает не только внешним условиям существования человека, но и потребностям собственного развития, совершенствования» [6,с.55]. Данные обстоятельства подводят нас к вопросу: а всякая ли деятельность человека создаёт культуру? Тот или другой индивид может быть чрезвычайно деятельным, но за свою жизнь не дать культуре ничего, а в определенных условиях даже нанести ей непоправимый ущерб. Масштабы и разнообразие такой «бескультурной» или антикультурной деятельности довольно - таки велики. Какой, например, вклад в культуру своего народа или человечества в целом могут внести закоренелый и в то же время весьма деятельный бюрократ, главарь бандитской шайки или преуспевающий профессиональный карманник? Особо следует сказать о людях равнодушных. Это о них говорит Бруно Ясенский: «Не бойся врагов - в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей - в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных — они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существует на Земле предательство и убийство»[7,с.243].

Следует всегда иметь в виду и четко себе представлять, что культура - это усилие, но «мое» усилие, а не насилие по отношению к личности и ее духовному миру. Человек является не только творцом культуры, но и

продуктом своей деятельности по созданию культурных ценностей. Культура не сводится лишь к накопленному материальному и духовному богатству, но представляет собой непрерывный творческий акт, единственный способ существования человечества. Мы можем говорить о целостности культуры в том смысле, что она есть явление чисто человеческое, то есть развивающееся вместе с человеком и благодаря его творческим усилиям. В рамках культуры, как справедливо замечает М.С. Каган, «...человек осознает и познает себя» [8,с.150]. Люди, именно потому, что они люди, во все времена и при всех различиях природно-географической среды ставят перед собой одни и те же вопросы, пытаются решить одни и те же задачи, обустроивая свою жизнь на Земле. Раскрытие тайн природы, поиски смысла жизни, творческие порывы, стремление к гармонии человеческих взаимоотношений, общие для всех времён и народов, - вот далеко не полный перечень тех оснований, на которых базируется целостность культуры и единство мирового социокультурного процесса.

Культура усваивается личностью в процессе ее социализации и представляет собой совокупность общепринятых образцов поведения, мышления и мироощущения, а также и индивидуально значимые действия. Объективным показателем уровня культуры отдельного человека служит степень универсальности, общечеловеческой значимости его знаний и умений. Но здесь мы вновь встали перед вопросом: где следует искать сущность культуры - в материальной или духовной сферах человеческой деятельности? От ответа на этот вопрос во многом зависит уяснение не только связи культуры и человека, но и роли культуры в духовно-нравственном совершенствовании личности.

Вне всякого сомнения, культура определяется материальным базисом общества, произрастает на его основе и неуклонно ее расширяет. Однако подлинно человеческую сущность культура проявляет именно в области духа. «...Хотя все духовное так или иначе опредмечено, а все предметы отражают духовную культуру - в той или иной степени, ядро культуры образуют не материальные, а духовные процессы» [9,с.103]. Это находит своё выражение, прежде всего в духовно-нравственном совершенствовании самого человека, а не в окружающем его материальном богатстве, хотя одно не отрицает другого, а первое не возможно без второго. В Библии записано: «Не хлебом единым жив человек». Даже убеждённый материалист и атеист Л. Фейербах утверждал: «Не плоть, а дух делает человека человеком». Не менее убедительно по этому поводу звучат и слова Л.Н. Толстого: «Если взять человека как личность и созданный ее же усилиями мир вещей и идей, то подлинно культурной личностью будет считаться та, которая отдает предпочтение окружающим живым людям, а не мертвому и бездушному материальному богатству, каким бы привлекательным оно ни казалось».

Личность высокой духовной культуры не будет ставить для себя безнравственной цели, как и осуществлять «благие цели» безнравственными средствами. Целостный человек по сути своей духовный человек. Духовный

культурный смысл истории всегда выражал универсальность человека. Лишь на основе и посредством духовности человек осознает несовершенство собственного существования и стремится творчески самоутвердиться в окружающем его мире.

Можно поставить вопрос, вокруг которого практически на протяжении всего предыдущего века идет непримиримая борьба: а как соотносится «массовая культура» и духовно-нравственное совершенствование личности?

Массовость культуры — это не обязательно её низкий уровень будто бы только для примитивно мыслящих, а формальная характеристика - своего рода рынок искусства. Так, например, в кинематографе всеобщее признание получили: «Сибирский цирюльник» и «Кавказский пленник» Н. Михалкова, «Турецкий гамбит» Д. Файзиева, «Первый после Бога» В. Читинского, «72 метра» В. Хотиненко. Поистине массовую аудиторию собирают такие телепередачи как: «Профессия репортер», «Своя игра», «Человек и Закон», «Реальная политика», «К барьеру!» и др.

Неотъемлемой частью духовной культуры является русская литература. Она всегда была важной, значительной в истории нашей страны, начиная с Древней Руси. Русская литература всегда была связана с жизнью народа, судьбой государства, влияла на общественное сознание, была провидческой в лице своих величайших художников. Главное, фундаментальное свойство русской литературы - то, что это литература Слова, Слова — Логоса. Недаром и началась наша тысячелетняя литература со «Слова о Законе и Благодати» митрополита Иллариона (XI в.). Русское слово немыслимо без христианской этики, без принципа социальной справедливости и вместе с тем устремленности к высшему смыслу жизни. И ныне это традиционное назначение русской литературы остается в силе. Испокон веков в обществе были, есть и будут люди с разными задатками и с разным уровнем интеллектуальных возможностей и образованности. Для того, чтобы повышать культуру народа, надо обращаться к истории культуры своего народа, ко всему культурному наследию человечества, а не пытаться тянуть высокообразованные слои общества вниз к чему-то упрощенному. Велика в этом ответственность деятелей культуры. Какие бы жёсткие требования к ним ни предъявлял «рынок», надо помнить, что деятель культуры, любой человек, решившийся взять в руки перо, несет ответственность перед обществом, перед человеком. Судьба культуры в руках человека.

Таким образом массовая культура - это неотъемлемая часть нашей общей культуры. Значение ее огромно как в положительном, так и в отрицательном смысле. И задача общества, как нам видится, стоит не в том, что бы вести борьбу с данным явлением, а в первую очередь - помочь современной молодежи отличить возвышенное, духовно-нравственное, подлинно культурное от пошлости, низкопробного ширпотребя и бездуховности.

Ю.Н. Гладкий и СБ. Лавров, говоря о бездуховности акцентируют внимание на падении роли духовной культуры в жизни общества, говорят об

отсутствию интереса у многих молодых людей к высоким формам её проявления и даже об отсутствии элементарного знания о том, что такое культура вообще [10,с.141]. Причины появления бездуховности уходят в те времена, когда в «светском» пространстве человеческого бытия были уничтожены «сакральные» зоны, не допускающие цинизма, нигилизма и глумления над тем, что связано или с антропологическими пределами человеческой жизни (священность материнства, отцовства и детства, рождения и смерти, ценность человеческой жизни), или с определенными границами человеческого духовного образа, с утратой которого человек может называться особью, но не человеком в смысле разумного, культурного и духовно развитого существа. История культуры при всем ее многообразии и изменчивости свидетельствует о том, что в ней всегда сознательно или бессознательно определялась мера человеческого в человеке, переход за который грозил самоуничтожением. Границей этой меры всегда было так называемое «сакральное пространство», преступать за которое чревато личной и общественной катастрофой, проявлением бездуховности на всех уровнях.

Культура не только и не столько украшение жизни, которое может быть, а может и не быть, а специфический способ его бытия. Бездуховность же, как нам представляется не всегда определяется господством материальных потребностей, как не редко утверждается в общественном сознании - она может быть порождена господством мнимой духовности. Известно, что многих молодых людей и сегодня объединяет не только и не столько, например, музыка, песни, танцы, одежда, различные нестандартные формы поведения, сколько стремление уйти от привычных форм жизни, боязнь упасть в обывательство, показаться «отсталым», «несовременным».

Данный анализ показывает также, что только в культуре и через культуру возможно духовно-нравственное совершенствование личности. Культура - это та первооснова, где человек приобщается к жизни, к деятельности, к новейшим достижениям современной цивилизации, её высшим духовным ценностям, где он ощущает потребность жить и творить не только и не столько для себя, сколько для других, для общества. Вне культуры невозможна жизнь человека и общества.

Каждое новое поколение начинает свою жизнь не только в окружении природы, но и в мире материальных и духовных ценностей, созданных предшествующими поколениями. Способности, знания, умения, человеческие чувства не передаются новому поколению по наследству - они формируются в ходе усвоения уже созданной культуры. Без передачи достижений человеческой культуры от одного поколения другому немислима история: ребёнок начинает думать и говорить, превращается во взрослого, по-взрослому мыслящего человека, только приобщаясь к культуре. Если человек создаёт культуру, то культура создаёт человека. Только в культуре в конце концов человек становится Человеком.

Список литературы:

1. Библер В.С. От наукоучения - к логике культуры: Два философских введения в XXI век .- М.,1991.
2. Ахиезер А.С. От диалога к диалогизации (в свете концепции В.Библера) – Вопросы философии.2005, № 3.
3. Брюшинкин В.Н. Феноменология русской души. – Вопросы философии.2005. № 1.
4. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М., 1990.
5. Оруджев З.М. Культура и цивилизация - Вестник Московского университета. Сер.7. Философия. 2005. № 2.
6. Кефели И.Ф. Культурология. Основы теории и истории культуры. – Указ. Соч.
7. Ясенский Б. Избранное. – М.: Правда, 1998.
8. Каган М.С. Человек-культура-искусство. Системно-аналитическое исследование. – Гамбург, 1994.
9. Козлова О.Н. Культура в жизни общества – Социально-гуманитарные знания. 2004. № 6.
10. Гладкий Ю.Н. Агрессивность бездуховности. – «Дайте планете шанс» - М., 1995.